

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ)
УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2002 г.

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

**UNIVERSITY
BULLETIN**

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3(55). Выпуск 2 – 2016 г.

Душанбе – 2016

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

ISSN – 2077-8325

Founded in 2002

**UNIVERSITY
BULLETIN**

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3(55). Edition 2 – 2016 y.

Dushanbe – 2016

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Н.Н.Салихов, доктор филологических наук

Редакционная коллегия:

Х.Д.Шамбезода, доктор филологических наук (зам.главного редактора)
Р.В.Баратова (ответственный секретарь)
Р.Д.Салимов, доктор филологических наук
Д.М.Искандарова, доктор филологических наук
А.Л.Спектор, кандидат филологических наук
А.Н.Нуралиев, доктор филологических наук
В.Г.Чигрина, кандидат филологических наук
С.Комилов, доктор экономических наук
З.Султанов, доктор экономических наук
Г.В.Кошлаков, кандидат геолого-минералогических наук
М.А.Умаров, кандидат технических наук
С.Ю.Алимов, доктор юридических наук
А.В.Золотухин, кандидат юридических наук
Т.И.Султанова, доктор юридических наук

Редактор:	Р.В.Баратова
Технический редактор:	Г.Х.Ташматова
Перевод на английский язык:	С.У.Тагаева
Компьютерная верстка:	Н.Р.Тохиров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан
Свидетельство о регистрации № 0026/Ж от 4 мая 2015 года

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки России

Подписной индекс журнала 77691

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе,
ул. М. Турсунзаде, 30
тел: (+992 44) 620 42 34; 620 42 07
www.rtsu.tj
vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (славянский) университет
Типография РТСУ

Журнал «Вестник университета» (РТСУ) публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики, юриспруденции, филологии, журналистики.

Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Представление в журнал работ, ранее опубликованных или принятых к печати в других изданиях, не допускается. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом).

К статье, написанной аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, необходимо приложить отзыв научного руководителя. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Материалы представляются в редакцию на электронном носителе и в распечатанном виде (1 экз.). Объем научной статьи не должен превышать 0,5 п.л.

Титульная страница статьи должна содержать: УДК, фамилию, имя, отчество (полностью) автора/авторов, их ученую степень, звание, должность, место работы и контактную информацию (почтовый адрес, телефон, E-mail), полное название специальности, аннотацию на русском языке (не менее 5 строк) и ключевые слова через точку с запятой (не более 7).

Аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи.

В статье обязательны ссылки на источники информации (цитаты, цифры). Ссылки нумеруются согласно порядковому номеру источника в списке литературы. Номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок с указанием страницы, откуда взята цитата.

Список литературы приводится в конце статьи. Пристатейный библиографический список оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

Завершают статью аннотация на английском языке с указанием названия работы, ученой степени, ученого звания, должности, места работы автора (почтовый адрес, телефон, E-mail), ключевые слова и список литературы на английском языке.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

Все страницы, начиная с титульной, должны быть последовательно пронумерованы.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен.

• ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абдуллаева Р.А. Личность преступника как элемент криминологической характеристики преступлений	10
Лукомская А.С. Тенденции развития российского законодательства об ответственности за экологические преступления с 1917 года и по настоящее время.....	18
Камолов З.А., Аминов З. Способы назначения окончательного наказания по совокупности преступлений.....	25
Ходжаева Н.Б. Процессуальные документы как доказательства в уголовном процессе.....	31
Шарифзода Т. К вопросу о теоретико-правовой характеристике налогообложения как функции государства.....	39
Шабозов Р.Г. К вопросу об основаниях обращения взыскания на заложенные ценные бумаги в гражданском праве Республики Таджикистан.....	44
Алимов Дж.С. К вопросу о развитии института наследственного правопреемства на территории Таджикистана (досоветский период).....	51
Амонов Д.Р. Понятие недвижимого имущества как объекта гражданских прав.....	56
Гадоев А.Х. Политико-правовые аспекты понятия справедливости в учении аль-Фараби.....	61
Сидыкова Н.Н. Право пользования земельными участками сельскохозяйственного назначения как объектами гражданских прав.....	67
Камолов Т.М. Концепция «Шанхайского духа» и суверенитет государств-членов Шанхайской организации сотрудничества.....	72
Назаршоев Ф.Ю. Технично-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов.....	77
Кодиров Д.С. Последующий и заключительный этапы расследования незаконного оборота наркотических средств.....	81
Сальников А.В. Сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации уголовной ответственности за бандитизм в континентальной и англо-саксонской правовых семьях.....	87

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Султонов З. Роль банковского сектора и банковского кредита в обеспечении устойчивого развития национальной экономики.....	95
Тураева М.О. Киргизия: некоторые итоги развития национальной экономики за годы независимости.....	100
Кривошлыков В.С., Жахов Н.В., Фомичёва Л.М. Экономика и управление межрегиональной дифференциацией с позиций экономической безопасности.....	107
Васиев Ф.М., Ташбаева Р.Г. Подготовка квалифицированных кадров как важное направление обеспечения эффективной занятости в Таджикистане.....	114
Курбонова Ф.Х., Зоиров И. Приоритетные направления инвестиционного обеспечения и развитие государственно-частного партнерства в сфере услуг Республики Таджикистан.....	121
Расулова Л.Н. Трудовые отношения в регулировании организационных конфликтов.....	130
Абдулло-заде Н.Р. Влияние эффективности человеческого капитала на социально-экономическое развитие Республики Таджикистан.....	138

Рыков С.В. Оценка использования депозитного портфеля с применением критериев, характеризующих эффективность депозитной политики финансово-кредитной организации.....	144
Чернякова И.С. Формирование маркетинговой стратегии сбытовой деятельности предприятия мясоперерабатывающей промышленности.....	150
Мирбобоев Г.М. Инструмент исламского финансирования сукук.....	158

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шамбезода Х.Д. Можно ли отнести памирские языки к числу исчезающих языков? ..	164
Джамshedов П. К вопросу о типологических особенностях таджикского языка.....	170
Джабборов М.Т., Камолова Г.Р. Структурно-грамматический анализ субстантивных фразеологических единиц, характеризующих умственную деятельность человека в английском и таджикском языках.....	176
Каландаров Т.С., Каландаров Х.С. Имам Али в «Шахнаме» Фирдоуси.....	183
Мамадназаров А., Авлиёева П. Морфологические особенности личных местоимений в таджикском и английском языках.....	190
Малыхина Л.Ш. Антитеза как средство языковой выразительности	198
Валиева З.А., Тагаева С.У. Морфолого-синтаксический способ образования таджикской экономической лексики финансово-банковской сферы.....	203
Нуров П.Г. Теоретико-лингвистическое описание таджикской научно-технической терминологии.....	209
Хакимов А.А. Особенности медитативной поэзии Фарзона.....	215
Садуллоев С.И. Специфические особенности телевизионного репортажа.....	223
Сорокина М.А. К вопросу о синестезии цвета в разносистемных языках.....	230
Дадобоева Г.Х. Просветительская миссия печати (на материале журнала «Ойна»).....	235
Кадамов А.М. Структурные и тематические особенности информационного радиосообщения на негосударственных радиостанциях Республики Таджикистан.....	240

CONTENTS

• JURISPRUDENCE

Abdullaeva R.A. Identity of the criminal as an element of criminological characteristics of crimes.....	10
Lukomskaya A.S. Development trends of Russian legislation on liability for environmental crimes from 1917 up to now.....	18
Kamolov Z.A., Aminov Z. The rules of awarding of final punishment for cumulative crime.....	25
Khojaeva N.B. Procedural documents as a proof in criminal process.....	31
Sharifzoda T. On the problem of theoretical-legal characteristics of taxation as a function of the state.....	39
Shabozov R.G. To the question of the grounds of foreclosure of pledged securities in the civil law of the Republic of Tajikistan.....	44
Alimov J.S. To the question of development of the institute of hereditary succession in Tajikistan (pre-soviet period).....	51
Amonov D.R. Concept of real estate as an object of civil law.....	56
Gadoev A.Kh. Political and legal aspects of the concept of justice the theory of al-Farabi.....	61
Sidykova N.N. Rights to lands usage as the objects of civil law.....	67
Kamolov T.M. Concept "shanghai spirit" and sovereignty of member-states of Shanghai Cooperation Organization.....	72
Nazarshoyev F.Yu. Criminalistic and technical maintenance of disclosing and investigations of crimes related to illicit trafficking in firearms and ammunition	77
Kodirov D.S. Subsequent and final stages of investigation of illicit trafficking drugs	81
Sal'nikov A.V. Comparative legal analysis of legislative regulation of criminal liability for banditry in continental and Anglo-Saxon legal families.....	87

• ECONOMIC SCIENCES

Sultanov Z. Role of the banking sector and banking credit in ensuring sustainable development national economy.....	95
Turaeva M.O. Kyrgyzstan: some results of the national economy during the years of independence.....	100
Krivoshlykov V.S., Zhahov N.V., Fomicheva L.M. Economics and management interregional differentiation from the point of economic security	107
Vasiyev F.M., Tashbayeva E.G. Preparation of qualified personnel as an important element to ensure effective employment in Tajikistan.....	114
Kurbonova F.Kh., Zoirov I. Priority trends of investment ensuring and development of state-private partnership in the Tajik service system.....	121
Rasulova L.N. Labour relations in regulation of conflicts in organization.....	130
Abdullo-Zade N.R. Impact of the growth of efficiency of human capital on social and economic development of the Republic of Tajikistan.....	138
Rykov S.V. Evaluation of the use of deposit portfolio as applied to criteria, characterizing an efficiency of deposit policy of financial institutions.....	144
Chernyakova I.S. Formation of sales marketing strategy of meat-processing industry.....	150
Mirboboev G.M. Islamic finance instrument sukuk.....	158

• PHILOLOGICAL SCIENCES

Shambezoda Kh.J. Can we include pamir languages in disappearing languages?.....	164
Jamshedov P. On typological features of Tajik language.....	170
Jabborova M.T., Kamolova G.R. Structural and grammatical analysis of substantive phraseological units characterizing human mental activity in English and Tajik languages.....	176
Kalandarov T.S., Kalandarov H.S. Imam Ali in Ferdowsi's «Shahnameh».....	183
Mamadnazarov A., Avliyeva P. Morphological characteristics of personal pronouns in Tajik and English languages.....	190
Malykhina L.Sh. Antithesis as a means of language expressiveness.....	198
Valiyeva Z.A., Tagayeva S.U. Morphological and syntactical method of formation of Tajik economical vocabulary of finance and banking spheres	203
Nurov P.G. Theoretical-linguistic description of Tajik scientific and technical terminology	209
Khakimov A.A. Features of Farzona's meditative poetry	215
Sadulloev S.I. Specific features of TV reports.....	223
Sorokina M.A. To the question of synesthesia of color in multy-system languages.....	230
Dadoboeva G.H. Educational mission of press (based on «Oyina»).....	235
Kadamov A.M. Structural and topical features of radio news on independent broadcasting stations of Tajikistan	240

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343. 91

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
Ул. М. Турсунзаде 30, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан,
Тел.: (+992 37) 227 85 83
abdullaeva.rano2014@yandex.ru

Статья посвящена вопросам изучения личности преступника, "почерка" индивидуального преступного поведения, позволяющего выявить общие криминологические закономерности, определяющие характер и другие показатели преступности, и разрабатывать меры противодействия ей. Без учета особенностей личности преступника, преступного поведения нельзя правильно оценить причинный комплекс преступности в целом, отдельных ее видов и конкретного преступного акта.

Ключевые слова: демографический признак; детерминанты преступности; криминогенный фактор; личность преступника; социальный признак; причинный комплекс; предупреждение преступности.

Переходя непосредственно к анализу криминологической характеристики преступлений, следует ответить на вопрос, что представляет собой личность преступника? Кто он – это человек, просто совершивший преступление, или же это человек, чьи личностные качества, являясь результатом социальной действительности, нашли свое выражение в совершенном преступном акте?

С точки зрения уголовного судопроизводства, преступник (субъект преступления) – это физическое, вменяемое, достигшее определенного возраста лицо, виновно совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Такая совокупность признаков образует содержание понятия "субъект преступления". Именно это уголовно-правовое понятие обычно имеется в виду, когда употребляется термин "личность преступника". В таком (широком) смысле личность преступника – это личность любого человека, совершившего уголовно наказуемое деяние. Иными словами, личность преступника в широком смысле слова – это уголовно-правовое понятие. Как же следует понимать личность преступника в узком смысле, т.е. как криминологическое понятие? Необходимо учесть, что:

- во-первых, уголовно-правовое и криминологическое понятия личности не совпадают по объему содержания;
- во-вторых, уголовно-правовое понятие личности преступника объединяет всех лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние;

• в-третьих, криминология стремится определить специфическую для преступников систему личностных свойств, выявить различия между личностью преступника и личностью законопослушного члена общества.

Подобная специфическая для преступника совокупность свойств и представляет собой содержание понятия "личность преступника" в криминологическом (узком) смысле.

Многие криминологи эту систему специфических свойств личности преступника именуют антиобщественной установкой, асоциальным типом личности, асоциальной направленностью, дефектным правосознанием и т.п.

В основе такого суждения лежит предположение, что сам факт совершения преступления определенным лицом является необходимым и достаточным подтверждением существования принципиальных различий между личностью виновного и личностью человека с правомерным поведением.

Например, Н.С.Лейкина отмечает, что "наличие антиобщественных взглядов, отрицательных черт и их проявление в соответствующей ситуации в виде преступления характерно для всех преступников" [1, с.255].

Вместе с тем известно, что преступность включает в себя самые разные преступления, значит и понятие личности преступника в познавательном смысле должно объединять всех лиц, совершивших преступление, в том числе и совершивших криминальные деяния по неосторожности. Вопрос весьма спорный.

Личность преступника отличается от других людей общественной опасностью, степень которой определяется глубиной деформации ее нравственно-психологических свойств и качеств. Общественно опасная личность формируется до совершения преступления. Именно осознание, устойчивое отношение в обществе, ценностные ориентации и мотивации поведения, взгляды, убеждения и идеалы составляют направленность личности. Но не следует считать, что стойкие антиобщественные взгляды и ориентации присущи всем без исключения лицам, совершившим преступления. О такой стойкости могут свидетельствовать неоднократное негативное, социально порицаемое поведение, которое называют еще "отклоняющимся" (от нормы), которое не обязательно должно быть преступным, а лишь балансирует на его грани, но пока не переступило черту, где в свои права должно вступить уголовное судопроизводство.

Представляемая собой индивидуальную форму бытия общественных отношений, личность преступника аккумулирует в себе их негативные стороны, что, естественно, не означает, что эта личность испытывает лишь отрицательные влияния.

Исходя из вышесказанного, личность преступника можно определить как личность человека, виновно совершившего преступление вследствие присущих ему антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к общественным интересам и выбора общественно опасного пути для реализации своего замысла или направления необходимой активности для достижения преступного результата.

Следует отметить, что какой-либо заранее данной "личности преступника" не существует. О личности преступника можно говорить с момента совершения им преступления до момента отбытия им уголовного наказания (хотя в научном мире существуют и другие точки зрения).

Личность преступника, с точки зрения криминологии, – это термин, предназначенный для обозначения человека, совершившего общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, но следует отметить не только. Сам факт

совершения преступления, безусловно, характеризует личность как антиобщественную. Но он не исчерпывает и не объясняет всего ее содержания.

"В человеке, совершившем преступление, необходимо видеть, - писал К.Маркс, - ... нечто большее, чем правонарушителя... Разве каждый из граждан не связан с государством тысячью жизненных нервов, и разве оно вправе разрезать все нервы только потому, что этот гражданин самовольно разрезал какой-нибудь один нерв?"

"Государство должно видеть и в нарушителе ... человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать Родину; свидетеля, к голосу которого прислушивается суд; члена общины, исполняющего общественные функции; главу семьи, существование которой священо и, наконец, самое главное – гражданина государства" [2, с.54].

Объяснить поведение преступника, раскрыть причины, которые привели его на скамью подсудимого, найти эффективные пути и средства предупреждения преступления можно только при глубоком изучении того, что характеризует преступника как личность. Вот почему проблема личности преступника составляет важную часть предмета криминологии, а также педагогики и психологии.

Следует также отметить, что в криминологии личность преступника изучается на трех уровнях.

1. Обобщенный (общее понятие личности преступника).
2. Групповой (различные категории и типы преступников).
3. Индивидуальный, здесь изучается конкретный субъект преступления.

На обобщенном уровне разрабатывается общее понятие личности преступника – как личности, виновно совершившей общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовного наказания. Общее понятие личности преступника характеризует все социально-психологические черты и признаки, связи и отношения свойственные всем преступникам.

На групповом уровне рассматриваются общие признаки и свойства, связи и отношения, присущие различным категориям и типам преступников (например, личность вора, убийцы, хулигана, грабителя, вымогателя и т.д.).

На индивидуальном уровне изучается конкретная личность как лицо, виновно совершившее данное преступление. На этом уровне имеется возможность выявлять больше индивидуальных признаков личности преступника, разобраться в механизме совершения преступления.

Изучая эти признаки, которые в сочетании с определенными условиями и обстоятельствами повлияли на совершение данным лицом общественно опасного посягательства, мы получаем возможность наиболее полного выявления и устранения причины такого поведения. Здесь уместно вспомнить слова известного русского юриста С.В.Познышева, который писал: «Для того, чтобы мстить и пугать, не надо много изучать человека, но для того, чтобы воспитательным образом серьезно повлиять на преступника, нужно знать многое такое о его личности, что дается лишь систематическим научным наблюдением» [3, с.33]. При этом решаются следующие задачи:

- 1) установление условий нравственного формирования личности (в семье, школе, на производстве, среди ближайшего бытового окружения, связей, знакомств, друзей и т.п.) и оздоровление этих условий;
- 2) выявление криминологических обстоятельств конкретной жизненной ситуации, повлиявшей, с учетом особенностей данной личности на совершение преступления, и устранение подобных обстоятельств и условий;

3) анализ социально-психологических свойств субъекта (взгляды, навыки, привычки, содержание и уровень интересов и потребностей, особенности характера и т.п.) и индивидуальное перевоспитание данного лица.

Что дает такой трехуровневый подход к изучению личности преступника? Он помогает дифференцировать задачи, пределы и методы криминологического изучения личности преступника.

Поэтому изучение таких вопросов необходимо:

а) для решения теоретических проблем криминологии (причины преступности, классификация преступников, система мер предупреждения преступности и критерии их эффективности и т.д.);

б) для разработки методики анализа состояния преступности и мер борьбы с ними для практических органов (прокуратуры, органов внутренних дел, ФСБ, КНБ и др.);

в) для непосредственного планирования и организации борьбы с преступностью или преступлениями определенных видов в пределах определенной территории, отрасли, отдельного объекта и т.п.;

г) для устранения причин и условий конкретных преступлений, индивидуальной профилактики.

Разрабатывая теоретические основы изучения личности преступника, криминология формирует, тем самым, исходные положения для решения процессуальных, криминалистических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных проблем, связанных с личностью преступника.

По своему содержанию проблема личности, в том числе и личности преступника – разнопланова, поэтому она является объектом изучения ряда наук.

Криминология стоит на позициях учения о личности, которое:

1) рассматривает личность как социальную сущность человека, включенного в систему общественных отношений;

2) устанавливает, что личность – категория общественно-историческая. Это означает, что при изучении личности не надо отрывать ее от социальной деятельности, конкретно-исторических условий;

3) знакомит с биопсихологическими, фрейдистскими, бихевиористскими, социологическими и другими учениями, стремящимися понять природу человеческой личности, его психологию, в том числе это касается и личности преступника.

Следует отметить, что процесс формирования личности всегда является достаточно противоречивым. В то же время, если этот процесс совершается в позитивном направлении, его результат будет благоприятен, если же нет то результат будет неизбежно противоположным.

При неблагоприятном нравственном формировании личности возникает несоответствие между свойствами личности и требованиями окружающей действительности. Это относится, прежде всего, к таким категориям и свойствам личности, как потребности и интересы, нормы нравственности и представления о праве, привычные формы (стереотипы) поведения и их самооценка самим субъектом. В результате – субъект в полной мере не адаптируется к той окружающей социальной среде, в которой он должен жить и работать, общаться с другими людьми. Иными словами, выражаясь он не может нормально, бесконфликтно, толерантно сосуществовать с другими личностями в социуме.

Если выделить основные источники нравственного формирования личности, то ими будут:

- сама личность со всеми присущими ей свойствами;

• малые социальные группы – семья, школа, производственный коллектив, в которых эта личность непосредственно формируется;

• общество в целом, осуществляющее политическое, идеологическое, духовное, культурно-воспитательное и иное воздействие через средства массовой информации и другие каналы.

Говоря о влиянии общества в целом, следует подчеркнуть, что многие социальные противоречия, свойственные обществу, реализуются через малые группы. Например, наличие тех или иных социальных различий сказывается в различиях образа жизни и функционирования малых групп (семьи, родственников, друзей, соседей), обсуждаются и оцениваются ими [3, с.33].

Относительная самостоятельность малой социальной группы приводит к тому, что в ней могут возникать групповые нормы поведения и групповые ценности, не совпадающие с нормами и ценностями, принятыми обществом и санкционированными государством. Это не означает, что такие групповые образцы поведения всегда противостоят правовым или нравственным нормам общества; часто они в этом смысле нейтральны, т.к. касаются только профессиональных или иных определенных интересов участников группы (традиции семьи, взаимоотношения спортсменов и т.д.) [4, с.108].

Вместе с тем возможны и такие групповые нормы и образцы поведения, которые противостоят праву и общественной нравственности. Причем всякая малая группа осуществляет внутренний (неформальный), а иногда и внешний (формальный) контроль за выполнением указанных норм и требований.

Наиболее острые противоречия и конфликты между групповой моралью и обществом возникают на основе расхождения между нравственными, правовыми и иными нормами общества и групповыми нормами, что проявляется в безнравственности, беспринципности, правонарушениях и преступлениях.

Центральное значение для формирования личности имеет ее семья, в которой приобретаются основные знания, первоначальное представление об окружающем мире, о нормах поведения, «что хорошо, то плохо». При этом следует отметить, что в семье зачастую существует целый ряд обстоятельств, способствующих неблагоприятному нравственному формированию личности, как объективного (неполнота семьи, материальные затруднения, болезнь родителей и т.п.), так и субъективного характера (негативные нравственно-педагогические позиции членов семьи, низкий уровень воспитания).

Эти обстоятельства проявляются в вовлечении детей в преступную деятельность, в пьянство, попрошайничество, проституцию; в совершении родителями аморальных проступков, преступлений; в существовании в семье антиобщественных взглядов, нравов, позиций; в нездоровой морально-психологической атмосфере, конфликтности; неправильной линии воспитания детей и в отсутствии вообще какого-либо воспитания, а также насилия над детьми.

К факторам, при наличии которых наиболее интенсивно происходит формирование негативных нравственно-психологических особенностей личности преступника, можно также отнести:

- отрицательные явления в трудовом коллективе;
- упущения в школьном воспитании;
- недостатки в сферах общения и досуга;
- отсутствие социального контроля.

Объективные данные, полученные из достоверных источников о личности преступника, о его социальном окружении, имеют особое значение для проведения индивидуальной профилактической работы с ним.

Воспитательно-профилактическое воздействие на правонарушителя осуществляется в зависимости от особенностей его личности, характера и направленности совершенных им в прошлом преступлений, его семейного положения, связей, привычек, наклонностей, особенностей его работы и других обстоятельств, а также его возраста, пола. Способы получения указанной информации известны (беседы, анкетирование, непосредственное наблюдение и др.). Изучение личности направлено на выявление типичных для различных категорий преступников антиобщественных взглядов, привычек, шаблонов поведения, условий нравственного формирования и характера их взаимодействия с окружающей социальной средой. При этом важно проводить комплексное изучение, включающее социологические, психологические и юридические средства и способы получения информации о личности преступника.

Основными источниками криминологической информации являются сами обследуемые, их родители, дети и другие члены семьи, знакомые и соседи, близкие друзья и приятели, сослуживцы и товарищи по работе, представители администрации и общественных организаций, материалы уголовных дел, исправительно-трудовых учреждений. При изучении нравственно-психологических свойств личности преступника, его ценностных ориентаций и правосознания хорошие результаты дает применение специальных тестов.

В системе правоохранительных органов эта работа проводится в двух направлениях:

- изучение и анализ конкретной личности в связи с решением вопросов о привлечении к уголовной ответственности либо применении индивидуально-профилактического воздействия;
- изучение и анализ личности преступника для получения обобщенной, типичной характеристики различных категорий лиц, совершивших преступления.

Тем не менее, недостаточно констатировать, что личность является носителем причин преступного поведения, необходимо знать, в чем они заключаются. При этом следует отличать причины преступности в целом и субъективные факторы, порождающие индивидуальное уголовно-наказуемое поведение. Разница между ними имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение, делая предупредительную работу более конкретной, целесообразной и целенаправленной. Уяснение причин преступлений не менее сложно, чем уяснение причин преступности.

Можно сказать, что причины преступного поведения существуют в виде социологических, психологических, нравственных и иных субъективных, личностных факторов, они связаны с социальными ролями и статусами личности, менталитетами. Однако ни один из них не может определять поведение, не преломляясь через психологию субъекта, не приобретая психологического статуса.

Относительно причин преступлений в криминологии отражены следующие исходные позиции: преступления совершаются в силу имеющихся у некоторых лиц антиобщественных представлений и установок, соответствующих их ценностным ориентациям, преобладающих в их психике нравственных пробелов, а все эти дефекты образуются в результате неблагоприятного нравственного формирования их личности, отсутствия должного воспитания, и образования.

Эти положения не вызывают принципиальных возражений. Однако, если принимать их безоговорочно, без всяких дополнений и существенных, даже принципиальных, кор-

ректив, без нового взгляда на эту древнейшую проблему, все-таки невозможно понять, почему люди нарушают уголовно-правовые запреты. Иными словами, практически без ответа останутся чрезвычайно важные вопросы: почему человек даже с полным набором антиобщественных взглядов и представлений, серьезных нравственных дефектов никогда не совершает преступлений; почему, в силу каких субъективных факторов из всех возможных вариантов выхода из данной сложившейся ситуации лицо избирает именно тот, который запрещен уголовным законом. Не имея ответа на них, очень трудно, а подчас и невозможно предупреждать конкретные преступления, проводить профилактическую работу, исправлять преступников.

Поэтому и возникает сложная задача научного анализа формирования личности преступника, т.е. выяснения того, почему, как, под влиянием каких внешних социальных условий возникают в личности те черты, которые впоследствии приводят его к преступному поведению. Антиобщественные взгляды, стремления, наклонности и другие отрицательные черты индивида есть, несомненно, продукт усвоения им аналогичных взглядов и ориентации его социальной среды. Они передаются ему в ходе постоянного и непосредственного общения с другими людьми при осуществлении многочисленных связей и ролей, в которых он выступает в повседневной жизненной практике. Проблема личности преступника – во многом проблема ее формирования, а проблема преступного поведения – проблема происхождения такого поведения, его обусловленность теми общественными связями с окружающим миром, в которые вступает личность.

Литература

1. Ахъядов Э.С. Криминологическая характеристика личности молодежного экстремиста // Молодой ученый. – 2013. – №1. – С.254-256.
2. Бидова Б.Б. Специально-криминологическое противодействие молодежному экстремизму // Актуальные вопросы юридических наук. – 2012. – №8. – С.76-84.
3. Гилязов Ф.Г. Вина и криминогенное поведение личности: уголовно правовые, криминологические и социально-психологические черты. – М., 2007. – 256 с.
4. Долгова А.И. Криминология. – М., 2000. – 128 с.

IDENTITY OF THE CRIMINAL AS AN ELEMENT OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES

Abdullaeva Rano Abdualievna

Candidate of jurisprudence,
 associate professor of chair of criminal law
 Russian-Tajik (Slavonic) university
 M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan,
 Ph.: (+992 37) 227 85 83
abdullaeva.rano2014@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of identity of the criminal, as well as "style" of individual criminal behavior, enabled to identify common criminological regularities, determining the nature and other indicators of the crime, and to develop countermeasures to it. It is impossible properly to assess the

causal complex crime in general, its certain types and a concrete criminal act without considering the peculiarities of identity of the criminal.

Key words: demographic criterion; determinants of crime; criminogenic factors; identity of the criminal; social features; causal complex; crime prevention.

УДК 349.6

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
С 1917 ГОДА И ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ**

Лукомская Анастасия Сергеевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры природоресурсного, аграрного и экологического права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Ул. Красноармейская, 63-13, 426003, Ижевск, Удмуртская Республика
nastasia5555@mail.ru

В статье анализируются тенденции развития законодательства об ответственности за экологические преступления с точки зрения политических, экономических, социальных и духовных преобразований указанного исторического периода, что позволяет выделить и охарактеризовать выбранный вектор и путь, пересмотреть действующие приоритеты уголовной политики в этом направлении, обозначить проблемы и наметить перспективы развития отношений по обеспечению экологической безопасности и охране экологического правопорядка.

Ключевые слова: экологические преступления; развитие законодательства; уголовная ответственность; история.

Переломные события 1917 г., внедрение идей советского государства стали ключевыми, решающими моментами, определившими специфику направления развития законодательства в целом, норм об ответственности за экологические преступления, в частности.

Российское законодательство об ответственности за экологические преступления, начиная с 1917 г., прошло сложный, противоречивый, с точки зрения политических, экономических, социальных и духовных преобразований, исторический путь.

Уголовное законодательство советского периода, регулировавшее отношения по охране природы, складывалось в большей части исходя из необходимости сохранения пришедшей на смену советской власти. Новое правительство почти полностью и категорически отказалось от теоретико-правового наследия и практического опыта правоприменения прошлого, в том числе законодательства имперского периода, обладавшего очевидной ценностью и характеризовавшегося наличием определенной системы уголовного законодательства. Это повлекло за собой резкие существенные изменения в развитии всех правовых институтов общества, в том числе института охраны прав граждан от экологических правонарушений.

Законодательство об эколого-правовой уголовной ответственности формировалось с нуля. С приходом новой власти по инициативе В.И.Ленина были разработаны более девяносто природоохранных актов, начался процесс создания советских заповедников. В 1917 г. был принят «Декрет о земле», заложивший основы природопользования, а также Декрет, объявивший все лесорубки без надлежащего разрешения преступными. В декаб-

ре 1919 г. появились руководящие начала по уголовному праву РСФСР. В 1920 г. обнародовали Постановление «О борьбе с лесными пожарами», а также Декрет «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море» и др.

С 1920 г. проводились активные мероприятия по упорядочиванию многочисленных нормативных и правовых актов, принятых советской властью, в том числе и уголовно-правовых актов уровня Союза и союзных государств. В результате в 1922 г. появился Уголовный кодекс РСФСР [5], а в 1924 г. «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик» [8].

УК РСФСР 1922 г. содержал одну прямую уголовную запретительную норму ответственности за незаконное занятие рыбным, звериным и иным водным добывающим промыслом в морях, реках и озерах, имеющих государственное значение (ст. 99). Позже в нее были внесены дополнения в части запрета на производство промысла котиков и морских бобров.

Совсем скоро, с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. [6], законодательство вышло за границы уголовно-правовой охраны компонентов окружающей среды запретительными нормами уголовного законодательства. Появились преступления против порядка управления, к которым относились нарушение постановлений, изданных в интересах охраны лесов от хищения и истребления, если стоимость незаконно добытого или причиненного лесному хозяйству ущерба не превышает тридцати рублей по таксам, ежегодно устанавливаемым губернскими и окружными исполнительными комитетами на основании продажных цен лесничеств (ст. 85); производство рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов в морях, реках и озерах, имеющих общегосударственное значение, без надлежащего на то разрешения, либо в запретное время, либо в недозволенных местах и недозволенными орудиями, способами и приемами (ст. 86); разработка недр земли с нарушением установленных правил (ст. 87). Раздел VIII УК РСФСР 1926 г. содержал преступления, посягающие на правила, охраняющие народное здравие, общественную безопасность и порядок, в частности, правила по охране народного здравия, специально изданные в целях борьбы с эпидемиями (ст. 181).

Характерной особенностью законодательства об ответственности за экологические преступления первых послереволюционных лет стало то, что оно разрабатывалось во многом не правоведами-теоретиками, а правоприменителями, которые меньше всего уделяли внимание вопросам системы, структуры экологических преступлений.

Период с 1930 г. до начала 1960-х гг. характеризовался высокими темпами индустриализации. Скоростное строительство новых производств химической, машиностроительной, металлургической промышленности и других важнейших отраслей народного хозяйства не сопровождалось эффективным регулированием отношений в области охраны окружающей среды и природопользования. Актуальными проблемами в регионах в этот период времени являлись вырубка леса, загрязнение вод, опустынивание и деградация земель и другие природные катаклизмы.

Крым, Черноморское побережье пострадали масштабными оползнями на южном берегу; в Белоруссии, Армении, Нахичеванской республике произошли наводнения, в Туркменистане, Узбекистане – землетрясения. Между 1939-1940 гг., в связи со строительством Рыбинского и Угличского гидроузлов, были затоплены Рыбинское и Угличское водохранилища, а люди, проживающие на этих территориях, были обязаны к переселению, строения и сооружения – сносу или переносу в другие места.

Советом Министров СССР к этому периоду времени было вынесено более 460 постановлений и распоряжений по различным вопросам леса: о планах лесозаготовок для различных нужд; о предоставлении различным организациям прав основных лесозагото-

вителей; о передаче конкретных лесных участков и смене их зон и др. Были предприняты попытки регулирования отношений по охране участков природы и ее отдельных произведений, государственных заповедников: введены законы по борьбе с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках; по разведке и разработке горных месторождений и организации геологической службы; о мерах по охране конкретных объектов животного мира и одновременном улучшении снабжения охотников ружьями, боеприпасами и охотничьими принадлежностями; о регулировании рыбного промысла; об отношениях по контролю за проведением мероприятий в области охраны атмосферного воздуха населенных мест от загрязнения промышленными выбросами и отходами и др.

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [4] основными объектами охраны стали система общественного строя СССР, личность, права и свободы граждан, частная собственность, социалистический правопорядок.

Характерными особенностями УК РСФСР 1960 г., в условиях отсутствия единой концепции экологического преступления, понимания специфики этих экологических отношений, стала бессистемность расположения уголовных норм, отражение в них приоритетности экономической значимости природных ресурсов, их материальной ценности для хозяйственной деятельности в обществе, охрана природных комплексов лишь с целью обеспечения санитарного благополучия людей.

Восполняя недостатки экологического законодательства этого периода и учитывая несовершенство норм ответственности за экологические преступления, содержащихся более чем в двадцати редакциях УК РФ 1960 г., Верховный Суд неоднократно разъяснял вопросы по лесному, земельному законодательству, по применению норм об охране природы и рациональному использованию природных ресурсов и др. [9]

Наряду с существованием законодательных недоработок явную сложность добавляла неадекватная оценка состояния экологической преступности и невозможности научного и практического реагирования [1, с.140]¹

На рубеже 1990-х гг. политические, экономические и социальные перемены в стране, падение морально-нравственных опор, бездействие и дезориентация в правоохранительных органах, существовавшие пробелы в законодательстве об ответственности за экологические преступления спровоцировали резкий рост организованной преступности. Увеличилось число масштабных высокоорганизованных экологических преступлений, угрожавших экологической безопасности в государстве.

Конституция РФ 1993 г., принятые в 1996 г. нормы о правах и свободах человека и гражданина как высшей ценности в государстве определили новый этап на пути развития законодательства об ответственности за экологические преступления. Закрепление в основном Законе естественного и неотъемлемого права на жизнь, на благоприятную окружающую среду, на полную и достоверную информацию о состоянии окружающей среды, на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением, сформировало потребность в пересмотре идеологических подходов к регулированию отношений по охране экологического правопорядка и обеспечению экологической безопас-

¹ Период формирования и использования статистики о преступности в режиме «секретно» и «совершенно секретно», отсюда и выборочное подключение к ней специалистов, отсутствие полных систематизированных опубликованных данных, исключение возможности ее критически осмыслить, иначе как в Российской империи. Кроме того, периоды виртуозного вуалирования истинного положения дел с преступностью сменялись кампаниями борьбы с сокрытием преступлений от учета и преувеличением процентов их раскрываемости

ности. Началась разработка Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. [11]. Охрана жизни и здоровья человека и окружающей среды вошла в число его основных задач (ст. 2 УК РФ).

Анализ первой редакции норм, предусмотренных главой 26 УК РФ и действующих составов экологических преступлений, показал, что за двадцать лет правоприменительной практики появились новые уголовно-экологические, правовые понятия и категории *искусственный остров, искусственная установка* (ст.ст. 252, 253); *водный биологический ресурс* (ст. 252); *природные ресурсы* (ст. 253); *водные биологические ресурсы, особо охраняемая природная территория* (ст.ст. 256, 258); *сплав древесины, другие лесные ресурсы, водный биологический ресурс, биологический ресурс* (ст. 257); *рубка, лесные насаждения или не отнесенные к лесным насаждениям деревья* (ст.ст. 260, 261). В ст. 249 УК РФ введен признак субъективной стороны «неосторожность», а в 2013 г. появилась статья 258.1. УК РФ с гипотезой о незаконной добыче и обороте особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемых международными договорами Российской Федерации.

Начальные редакции диспозиций девяти норм из восемнадцати, предусмотренных главой 26 УК РФ экологических преступлений, за двадцать лет практики применения, законодателем не корректировались [7]. В связи с этим не вызывает противоречий характеристика главы 26 УК РФ как «мертвой», которая не способствует охране экологического правопорядка в государстве, защите граждан от экологических преступлений.

С 1996 г. Пленум ВС РФ дает разъяснения по вопросам применения уголовных норм ответственности за совершение экологических преступлений, правил и требований экологического законодательства [9], которые восполняют отдельные пробелы и несовершенство действующего законодательства.

Несмотря на это, остались взаимообразующие проблемы, ставшие причиной невысоких результатов правотворческой и правоприменительной деятельности в регулировании отношений об ответственности за экологические преступления:

1. Необходимость пересмотра приоритетов экологической политики государства и, следовательно, экологических программ и концепций, направленных, в первую очередь, на решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, а уже потом сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

2. Неразработанность механизмов реализации конституционных экологических прав граждан на благоприятную окружающую среду, на полную и достоверную информацию о состоянии окружающей среды, на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением.

3. Отсутствие эффективной системы управления в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, предусматривающей взаимодействие и координацию деятельности органов государственной власти.

4. Наличие недостатков в нормативно-правовом обеспечении охраны экологического правопорядка и экологической безопасности, в том числе за счет отсутствия необходимого международного сотрудничества в этой области. Существует необходимость интеграции существующих международных норм в отечественное законодательство. Остается не ратифицированной Орхусская конвенция «О доступе к информации, уча-

стии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» [2], к которой присоединились 38 государств.

Россия не участвует в ратификации Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного права [10], которая имеет своей целью проведение согласованной политики в области уголовного права, направленной на защиту окружающей среды, жизни и здоровья людей, фауны и флоры, в том числе от неконтролируемого использования технологий и чрезмерной эксплуатации природных ресурсов. Указанная Конвенция нацелена на принятие эффективных мер по предотвращению возможности избегания судебного преследования и наказания лицами, совершившими нарушения, имеющие серьезные последствия для окружающей среды, квалифицированные как уголовные преступления и др.

5. Отсутствие в институте ответственности за экологические преступления идеи, основных принципов, сущности, стройной системы определения экологических преступлений; эффективной реализации нормативных предписаний об ответственности за экологические преступления.

Глава 26 УК РФ лишена единообразного понимания бланкетных диспозиций, признаков составов конкретных норм об ответственности за экологические преступления, что приводит к конкуренции уголовных и административных норм, увеличению искусственной латентности экологических преступлений.

Ситуация, когда большинство диспозиций норм ответственности за экологические преступления имеют отсылочный характер и обращаются к нормам законодательства об охране окружающей среды и природопользовании, отсутствует стройная система экологических норм, порождает неоправданный рост числа подзаконных актов с характерным узким предметом правового регулирования, приводящим к усилению несогласованности, противоречиям, конкуренции экологических норм.

6. Закрепление в нормах ответственности за экологические преступления санкций, предусматривающих необоснованно мягкие наказания, не учитывающих причинение многими уголовно наказуемыми деяниями существенного экологического вреда (вред, причиняемый окружающей среде), представляющего реальную опасность для жизни и здоровья человека.

7. Отсутствие исследований новых и малоизвестных форм экологической преступности (экологическая коррупция, экологическая контрабанда, экологический терроризм и др.).

8. Необходимость разработки новых механизмов обеспечения экологической безопасности с учетом таких вызовов, как вспышки численности животных и инвазии чужеродных видов; рост заболеваемости и смертности от загрязнения воздуха, водоемов и водостоков; распространение в новых районах заболеваний, вызванных климатическими причинами; распространение в окружающей среде новых загрязняющих веществ (включая наночастицы); потеря биоразнообразия; введение торговых ограничений в сфере «углеродного протекционизма»; усиление миграционных процессов, вызванное экологическими и климатическими факторами; рост добычи нефти из нефтеносных песков и горючих сланцев; усиление неблагоприятных геоморфологических и эрозионно-русловых процессов и изменений в криосфере; увеличение доли городского населения; изменения климата, усиление опасных гидрометеорологических процессов; рост численности населения, проживающего в условиях «водного стресса»; истощение запасов некоторых стратегических минеральных ресурсов [10].

Указанные причины невысоких результатов правотворческой и правоприменительной деятельности в регулировании отношений об ответственности за экологические

преступления являются результатом выбранного в 1917 г. курса на построение новой системы природоохранного и уголовного законодательства, отказа от ценного теоретико-правового наследия и богатого опыта правоприменения прошлого, в том числе и имперского периода.

В основе отказа от законодательства дореволюционного периода лежит смена идеалов и духовных ценностей. Такой отказ не привел к созданию качественно нового по уровню развития законодательства об ответственности за совершение экологических преступлений, а скорее отбросил право к обычным нормам, сведению их к идее социализма.

Формально провозглашенные в 1917 г. экологические права и интересы человека, политика двойных стандартов, подмен и искажения наблюдаются в отношениях по охране экологического правопорядка и обеспечению экологической безопасности и в настоящее время.

Литература

1. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. А.Ю.Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., Норма, 2007 г. – 912 с.
2. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Вместе с «Перечнем видов деятельности, упомянутых в пункте 1 «а» статьи 6», «Арбитражем») (заключена в г. Орхусе 25 июня 1998 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=67
3. Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного права (ETS №172) (Страсбург, 4 ноября 1998 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_703/doc703a852x936.htm
4. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=2738#0>
5. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. «» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#>
6. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г.: Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=38237>
7. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ №22 от 29 апреля 2010 г.; О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. №26; О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного, прибрежного и других видов рыболовства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. №27; О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. №21; О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного, при-

- брежного и других видов рыболовства»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. №22; О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 мая 2015 г. №19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
8. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: [утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г.]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2237.htm
 9. О судебной практике по делам о лесонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. №6 (действует в настоящее время); О практике применения судами законодательства об охране природы: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 07 июля 1983 г. №4; О практике применения судами земельного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 20 декабря 1983 г. №12; О выполнении судами постановления Верховного Совета СССР от 3 июля 1985 г. «О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов»: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 января 1986 г. №2; О ходе выполнения судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о лесонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1988 г. №10; О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР о практике применения законодательства об охране природы: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 ноября 1990 г. №9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
 10. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. [утв. Правительством РФ]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prognoz2030.hse.ru/>
 11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

DEVELOPMENT TRENDS OF RUSSIAN LEGISLATION ON LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL CRIMES FROM 1917 UP TO NOW

Lukomskaya Anastasiya Sergeyevna

Candidate of jurisprudence,
associate professor of chair of nature resource, agricultural and environmental law
FSBEI HE «Udmurt state university»
Krasnoarmeyskaya, 63-13, 426003, Izhevsk, Republic of Udmurtiya
nastasia5555@mail.ru

In the article the trends in the development of legislation on liability for environmental crimes in terms of political, economic, social and spiritual transformation of this historical period are analyzed, which allows to isolate and characterize the selected vector and the way to revise existing criminal policy priorities in this field, to identify the problems and to outline the prospects development of relations on environmental safety and environmental protection of the rule of law.

Keywords: ecological crimes; development of legislation; criminal liability; history.

УДК 343.23

СПОСОБЫ НАЗНАЧЕНИЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Камолов Зубайдулло Аюбович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Таджикский национальный университет
Пр.Рудаки 17, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан
Тел.:(+992) 98 106 00 99 (м.)
kamolov75@mail.ru

Аминов Зокир

Соискатель кафедры уголовного права
Таджикский национальный университет
Пр.Рудаки 17, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан
Тел.:(+992) 91 943 09 19 (м.)

В статье рассматриваются некоторые вопросы назначения наказания при совокупности преступлений путем применения правил поглощения менее строгого наказания более строгим, приводятся позиции различных авторов по данному вопросу. Даны рекомендации по совершенствованию способов назначения наказания по совокупности преступлений.

Ключевые слова: уголовный кодекс; преступление; назначение наказания; совокупность преступлений; способ поглощения наказания; лишение свободы; неотвратимость наказания.

Ныне действующий Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. по сравнению с Уголовным кодексом РТ 1961 г. установил новые правила назначения наказаний по совокупности преступлений и приговоров. Определились иные подходы при освещении проблем юридической природы совокупности преступлений, механизма ее образования, принципов и условий назначения наказаний, пределов усиления ответственности и др. Наиболее принципиальным из них, имеющим решающее значение, является вопрос о способах назначения наказаний по совокупности преступлений и приговоров.

Уголовное законодательство предусматривает различные приемы назначения наказаний, характеризующиеся специфичностью применения. В юридической литературе они получили разнообразное наименование. Применительно к нашему вопросу наиболее употребляемыми являются термины: принципы, правила, методы, способы, приемы и т.п. Например, большинство авторов использует понятие «принципы» [12, с.7-9; 9, с.22-30; 5, с.231] А.Л.Цветинович называет их методами [14, с.56-66].

Представляется неоправданным рассматривать поглощение, сложение и присоединение как принципы назначения наказаний по совокупности преступлений и пригово-

ров. УК РТ (как и УК РФ) не использует это понятие в качестве ориентира при описании механизма образования совокупного наказания, называя их лишь путями решения проблемы. В то же время многие юристы сохраняют привычку именовать их именно таким образом.

А.С.Горелик, справедливо указывая, что поглощение и сложение не являются принципами назначения наказания, характеризует их, как правила определения размера окончательного наказания по совокупности [2, с.10]. Частично соглашаясь с этим утверждением, полагаю, что здесь речь идет, скорее, о приемах и способах, нежели о правилах, поскольку первое подразумевает вариативность решения вопроса об окончательном наказании, а второе – норму, закономерность условий реализации этого решения. Принципы же означают общие руководящие идеи, концепции, лежащие в основе назначения наказания.

Поэтому, на наш взгляд, предпочтительней выглядит использование термина «способ» назначения наказаний, под которым можно понимать избранный вариант пути решения вопроса о виде, сроках и размере наказания, а также режиме его исполнения.

Нет единства в среде ученых по поводу количества упоминаемых в законе способов и их юридической природы.

Рассмотрим наиболее известные и часто применяемые при этом состоянии множественности преступлений способы назначения совокупных наказаний.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан предусматривает два способа определения окончательного наказания за преступления, образующие совокупность, - путем поглощения менее строгого наказания более строгим и путем частичного или полного их сложения.

Поглощение представляет собой полное подчинение наказания, назначенного за менее опасное преступление, доминирующему – более суровому наказанию. Оно применяется, когда усиления уголовной ответственности не требуется и одного наказания за наиболее значимое преступление достаточно для решения задач правосудия (исправления осужденного, предупреждения новых преступлений и т.п.).

Однако в юридической литературе дискуссии о возможности и необходимости применения судами правила поглощения при назначении наказания по совокупности преступлений до сих пор не прекращается. Потому что, во-первых, Уголовный кодекс Республики Таджикистан, как и Уголовный кодекс Российской Федерации, хотя и регламентировали применение поглощения только при совокупности преступлений небольшой и средней тяжести, но что должно быть основанием для выбора этого правила в законе не указано. Суд может применить как сложение наказаний, так и поглощение менее строгого наказания более строгим. При этом в приговоре не требуется приведения мотивации такого выбора судом.

Во-вторых, при назначении окончательного наказания по совокупности преступлений путем поглощения внешне усматривается, что наказания, назначенные за отдельные преступления, входящие в совокупность, утрачивают свое значение, так как окончательное наказание за совокупность преступлений, по сути, является наказанием за одно, наиболее тяжкое, преступление. Положение выглядит так, будто утрачена неотвратимость наказания за отдельные преступления, а назначенное окончательно наказание не является справедливым, достаточным и индивидуализированным [4, с.97].

Поэтому некоторые ученые высказывается за исключение из уголовного кодекса такого способа назначения наказаний по совокупности преступлений, как поглощение. Так, по мнению Д.М.Молчанова, «необходимо исключить из кодекса указание на возможность применения принципа поглощения для преступлений небольшой тяжести.

Ограничение судьи в оценке случаев совершения нескольких преступлений небольшой тяжести рамками санкции также ведёт к преобладанию принципа поглощения, что кажется необоснованным» [8, с.115]. Далее он отмечает что «успешное выполнение задач уголовной политики заключается в неотвратимости применяемого наказания. Преобладание же принципа поглощения применительно к преступлениям небольшой тяжести создает ощущение безнаказанности. Неадекватность наказания, назначаемого лицу, систематически совершающему преступления небольшой тяжести, не способствует выполнению задач общей и частной превенции. Кроме того, это создает у окружающих иллюзию бездействия закона, что не отвечает задачам восстановления социальной справедливости» [8, с.118-119]. Потом Д.М.Молчанов предлагает, что «решение этого вопроса следовало бы отдать на волю судейского усмотрения, установив предел назначения наказания за совокупность преступлений только небольшой тяжести не максимумом санкции статьи, предусматривающей наиболее строгое наказание, а, например, тремя годами лишения свободы» [8, с.119]. С.Г.Келина и В.Н.Кудрявцев тоже предлагают полностью отказаться от принципа поглощения и использовать лишь принцип сложения наказаний [3, с.131].

С такими мнениями трудно согласиться, потому что они игнорируют существование таких обстоятельств, когда одно преступление, входящее в совокупность, значительно превосходит собой другое, менее опасное, и когда суду нет необходимости дополнительно усиливать уголовную ответственность. Применение способа поглощения наказаний требуется не для облегчения работы суда, а в целях гуманизации уголовного права и экономии мер уголовной репрессии.

Из вышеприведенных позиций авторов следует, что при поглощении принцип неотвратимости выражен незначительно или даже противоречит этому принципу. По нашему мнению, принцип неотвратимости наказания при применении поглощения (как и частичного сложения наказаний) проявляется в самом факте признания лица виновным за отдельные преступления. Поглощение менее строгого наказания более строгим не означает полное освобождение лица от уголовной ответственности, так же как и институты условного осуждения или отсрочки отбывания наказания. Само признание лица виновным за отдельные преступления, обозначение правовой оценки действий виновного и назначение наказания за эти преступления указывает на наличие неотвратимости наказания.

Другие ученые выступают за ограничение применения данного способа назначения наказания. Так, В.П.Малков полагает, что поглощение, особенно из-за широкого его применения, создает впечатление безнаказанности виновного за отдельные преступления и делает вывод, что идея неотвратимости наиболее соответствует частичное или полное сложение, хотя в некоторых случаях поглощение допустимо [5, с.242].

А.Н.Тарбагаев допускает применение правила поглощения в отношении преступлений небольшой тяжести, но возражает против применения этого правила в отношении преступлений средней тяжести ввиду распространенности этой категории преступлений, полагая, что преступник совершит несколько опасных преступлений безнаказанно, поскольку реально он будет наказан лишь за одно из них [13, с.71]. А.С.Горелик считает, что этот принцип применим, но его следует рассматривать как исключение из общего правила, так как полностью отказаться от него нельзя [1, с.88].

Многие авторы предлагают применять поглощение наказания только при наличии строго определенных оснований, которые нужно обозначить в законе. Так, по мнению В.П.Малкова, применение принципа поглощения менее строгого наказания более строгим целесообразно в следующих случаях: 1) когда судом использован максимум наказа-

ния по статье, предусматривающей наиболее строгое наказание; 2) когда имеет место идеальная совокупность преступлений; 3) когда входящее в совокупность преступление явно малозначительно по сравнению с другими преступными деяниями; 4) когда за отдельные преступления назначены наказания, которые не могут слагаться друг с другом (лишение свободы и увольнение от должности, лишение свободы и штраф и т.п.)

Во всех иных случаях целесообразно применять принцип полного или частичного сложения наказаний [5, с.245-246]. М.Н.Становский полагает, что принцип поглощения целесообразно применять в таких случаях:

- а) при идеальной совокупности;
- б) если за более тяжкое преступление назначено максимальное наказание;
- в) если ранее совершенное преступление отражается в квалификации последнего в качестве квалифицирующего признака;
- г) когда одно из преступлений по своему характеру и степени общественной опасности явно малозначительно по сравнению с другим;
- д) если некоторые преступления являются ступенью, подготовительным этапом для совершения более тяжкого преступления [12, с.7-9].

По мнению В.И.Малыхина, поглощение целесообразнее:

- а) когда входящие в совокупность преступления существенно отличаются одно от другого по характеру и степени общественной опасности;
- б) при осуждении за однородные преступления, когда ранее совершенное преступление отражено в квалификации последующего как повторного;
- в) когда по статье, предусматривающей более строгое наказание, оно назначено в максимальных пределах санкции;
- г) когда за каждое из преступлений назначены в максимальных пределах санкций одинаковые по виду и размеру наказания (конечно, в таких случаях неуместно утверждать в приговоре о поглощении менее строгого наказания более строгим; очевидно, речь должна идти о поглощении одного наказания другим, и такая ситуация тоже должна найти отражение в законе) [6, с.36-37].

И.Л.Марогулова отдает предпочтение поглощению в случаях:

- а) существенного отличия преступлений по степени общественной опасности;
- б) когда наряду с умышленным тяжким или менее тяжким вменяется менее опасное умышленное или неосторожное преступление;
- в) когда факт совокупности отражается также в квалификации последнего преступления.

Сложение, по ее мнению, является способом индивидуализации ответственности, и поэтому его следует применять при несущественной разнице между преступлениями. Она же обращает внимание на недопустимость поглощения наказаний, одинаковых по виду и размеру [7, с.146-157].

И в настоящее время споры по поводу основания и случаев применения принципа поглощения наказания среди ученых не утихли. В юридической литературе по этому поводу высказываются различные мнения.

Так, с точки зрения С.Г.Спивака, «принцип поглощения применяется судом, в частности, если входящие в совокупность преступления значительно отличаются по степени общественной опасности и одно из них обладает повышенной общественной опасностью по сравнению с другим..., а также когда назначаются наказания, не связанные с лишением свободы, при этом по одной из статей наказание назначено в максимальном размере, установленном для данного вида наказания» [11, с.93].

О.А.Садовникова считает, что принцип поглощения менее строгого наказания более строгим, предусмотренный ч. 2 ст. 69 УК РФ (ч.2 ст.67 УК РТ – К.З.А., А.З.), следует применять для назначения наказаний при совокупности преступлений небольшой и(или) средней тяжести в следующих случаях:

1) при совокупности неосторожных преступлений, а также при совокупности умышленного и неосторожного преступлений;

2) при назначении наказания по совокупности умышленных преступлений, если суд применил правила, предусмотренные ст. 64 УК РФ (ст.63 УК РТ – К.З.А., А.З.), в отношении одного или нескольких преступлений, входящих в совокупность [10, с.140].

По нашему мнению, способ поглощения менее строгого наказания более строгим по ч.2 ст.67 УК РТ должно применяться только в ограничительных случаях, а именно:

а) когда за все преступления, входящие в совокупность, назначены наказания, не связанные с лишением свободы, причем по одной из статей назначено наказание в максимальном размере, установленном для данного вида наказания в статьях Общей части УК РТ;

б) когда судом назначено максимальное наказание по статье, предусматривающей более строгое наказание, а в дальнейшем при применении сложения наказаний окончательное наказание может превышать максимальный срок или размер наказания, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

Литература

1. Горелик А.С. Наказание по совокупности преступлений и приговоров (принципы, законодательство, судебная практика). – Красноярск, 1992. – 190 с.
2. Горелик А.С. Назначение наказания по совокупности. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1975. – 270 с.
3. Келина С. Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М., 1988. – 176с.
4. Летников Ю.С. Проблемы теории и практики дифференциации назначения наказания по совокупности преступлений: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Летников Юрий Сергеевич. – Красноярск. 2008. – 204 с.
5. Малков В.П. Совокупность преступлений. – Казань: Казанский ун-т, 1974. – 305 с.
6. Малыхин В.И. Назначение наказания при совокупности преступлений// Уголовная ответственность: основания и порядок реализации: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред.С.А.Шейфер. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1991. –С.36-50.
7. Марогулова И.Л. Назначение наказания при совокупности преступлений. Комментарий судебной практики за 1985 г. – М., 1986. – С.146-157.
8. Молчанов Д.М. Совокупность преступлений: дис... канд. юрид. наук:12.00.08 / Молчанов Дмитрий Михайлович. – М., 2000. – 157 с.
9. Николаева З.А. Коллизии норм о множественности преступлений и назначении наказания по совокупности // Российский юридический журнал. – Екатеринбург, 1993. – №2. – С.22-30.
10. Садовникова О.А. Назначение наказания по совокупности преступлений: проблемы теории и практики: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Садовникова Оксана Александровна. – Волгоград, 2008. – 182 с.
11. Спивак С.Г. Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров: дис...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Спивак Светлана Геннадьевна. – М., 2007. – 211 с.
12. Становский М. Назначение наказания по совокупности преступлений // Советская юстиция. – 1990. – №4. –С.7-9.

13. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве: учеб. пособ. – Красноярск: КГУ, 1994. – 80 с.
14. Цветинович А.Л. Назначение дополнительных наказаний при совершении нескольких преступлений // Уголовная ответственность и ее реализация: материалы межвуз. сб. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. ун-та, 1985. –С.56-66.

THE RULES OF AWARDING OF FINAL PUNISHMENT FOR CUMULATIVE CRIME

Kamolov Zubaydullo Ayubovich

Candidate of jurisprudence,
associate professor of chair of criminal law
Tajik national university
Rudaki ave. 17, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992) 98 106 00 99 (m.)
kamolov75@mail.ru

Aminov Zokir

Candidate for a degree of chair of criminal law
Tajik national university
Rudaki ave. 17, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992) 91 943 09 19 (m.)

The article deals with considering some of the issues at awarding of punishment for cumulative offences by applying more severe punishment instead of less severe. The attitudes of various authors to this issue are shown, and a number of recommendations to improve the sentencing for cumulative crimes are given.

Key words: Criminal Code; the crime; sentencing; set of crimes; the process of absorption of punishment; deprivation of liberty; the certainty of punishment.

УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ходжаева Наргис Баладжонова

Старший преподаватель,
кафедры судебного права и прокурорского надзора
Таджикский национальный университет
Пр. Рудаки 17, 734025, Душанбе, Республики Таджикистан
Тел.: (992) 918 65 82 88 (м.)

В статье на основе норм нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан рассматриваются некоторые проблемы теории, практики и законодательной регламентации процессуальных документов как доказательств в уголовном процессе.

Ключевые слова: процессуальные документы; уголовный процесс доказательства; источники; Уголовно-процессуальный кодекс; предмет доказывания.

Доказательствами по уголовному делу считаются фактические сведения, на основе которых в порядке, определенном настоящим Кодексом, суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, доказанности или недоказанности совершения этого деяния и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела [3, с.45]. Доказательствами являются не сами по себе обстоятельства (фактические данные), а сведения о них, содержащиеся в предусмотренных законом источниках [8, с.284]. Доказательствами являются фактические данные, собираемые органами расследования в окружающей их действительности. Эти данные существуют независимо от сознания лиц, осуществляющих доказывание, аккумулируясь в памяти других людей (обвиняемый, подозреваемый, свидетель) или фиксируясь в той или иной форме в виде следов преступления на предметах, в документах [7, с.106]. Материалы первичной проверки могут содержать различного рода документы (заявления и письма граждан, официальные сообщения учреждений, акты ревизий, объяснения граждан и должностных лиц и т.п.). Однако процессуальное понятие документа как самостоятельного вида доказательства охватывает не все эти материалы, а лишь небольшую их часть. Так, под это понятие подпадают лишь официальные документы учреждений, выданные для удостоверения обстоятельств, установление которых относится к компетенции данных учреждений (справки, характеристики и т.п.). Документы могут исходить и от отдельных граждан [6, с.97]. При расследовании и разрешении уголовных дел документы как доказательства широко используются при условии соблюдения требований уголовно-процессуального закона к их форме и содержанию. В доказывании наиболее распространены документы в письменной форме. Это общедоступный и распространенный способ фиксации информации, непосредственно излагаемой, воспринимаемой не только должностным, но любым лицом без каких-либо технических приспособлений, аппаратов, машин и т.д., но не единственный. Доказатель-

ственное значение имеют документы, обладающие свойствами относимости и допустимости. Определяя понятие документа как доказательств в уголовном судопроизводстве, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 2009 г., как и Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР 1961, различает две группы документов:

1. протоколы следственных действий и судебного заседания;
2. иные документы.

Каждая из групп документов представляет собой самостоятельный вид доказательств, имеющий присущие ему особенности. Рассмотрим содержание первого из них.

Протоколы следственных действий и судебного заседания представляют собой составленные в соответствии с требованиями УПК Республики Таджикистан процессуальные документы и приложения к ним, удостоверяющие факты и обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, которые составляются непосредственно дознавателем, следователем, судом в присутствии участников уголовного судопроизводства в ходе соответствующих следственных или судебных действий. Они являются одним из средств установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Особенностью этого вида доказательств является то, что он содержит сведения, непосредственно воспринимаемые дознавателем, следователем или судом, обнаруженные и наблюдавшиеся ими самими. Если же в протоколе следственного действия фиксируются сведения, полученные от других лиц (протоколы допросов: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и др.), то этот протокол относится к соответствующему виду доказательств (показания подозреваемого, показания обвиняемого и т.д.). Перечисленные протоколы доказательствами не являются, а выполняют роль лишь средств фиксации доказательств других видов. Такое разделение протоколов следственных действий с точки зрения значения их как источников доказательств объясняется следующим. Когда речь идет об источниках доказательств, исходящих от допрашиваемых лиц, то закон, руководствуясь требованиями устности и непосредственности в исследовании доказательств, рассматривает в качестве источников доказательств показания этих лиц как таковые. И для того чтобы обеспечить надлежащее исследование указанных источников доказательств, закон обязывает органы расследования и суд обращаться непосредственно к показаниям подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего – к допросу их, а не ограничиваться использованием протоколов допросов. В частности, в судебном заседании суд, как правило, обязан непосредственно допросить вышеперечисленных лиц, основывая свои выводы на данных, рассмотренных в судебном заседании. Оглашение же в судебном заседании протоколов ранее данных показаний этих лиц допускается лишь при наличии специально предусмотренных законом условий (ст.ст. 312, 317 УПК Республики Таджикистан) [3, с.161-163]. Протоколам следственных действий и судебных заседаний присуща письменность как необходимый атрибут данного вида доказательств. Фотографирование, стенографирование, киносъемка, аудиозапись, видеозапись выполняют роль факультативных средств фиксации сведений, имеющих значение для дела. Они не заменяют протоколов данных действий и сами по себе, без протоколов, доказательственного значения не имеют. Фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов иллюстрируют содержание протоколов, помогают проверить полноту и точность записей, в них содержащихся, являются приложением, составной частью протоколов. В этих приложениях фиксируются детали производимых следственных действий. Протоколы и приложения к ним могут содержать противоречивые сведения об одних и тех же обстоятельствах. Например, между протоколом и фотоснимком будет существенное противоречие, если в протоколе будут отсутствовать све-

дения о предмете, изображенном на фотоснимке, т.е. сведения, имеющие значение для дела. Допросом понятых и иных лиц, участвующих в следственном действии, можно нейтрализовать допущенные при составлении протокола недостатки. Однако пробелы будут невосполнимы, если участники следственного действия не подтвердят достоверность изображенного на фотоснимке, зафиксированного на видеозаписи, фотоснимке, плане, схеме. Для того чтобы протокол отражал обстоятельства и факты, установленные при производстве следственного действия и в суде, закон в специальных нормах (ст.ст. 301, 173, 181 УПК РФ) или нормах, относящихся к отдельным следственным действиям (например, ст. 187 – протоколы осмотра и освидетельствования), определяет: кем и как составляется и подписывается протокол; какие обстоятельства подлежат фиксации; степень их детализации и последовательность изложения в описании; способы изготовления приложений к протоколу; правила удостоверения соответствия содержания протокола воспринятым фактам объективной действительности. Протокол должен также содержать запись о разъяснении участникам следственных действий в соответствии с уголовно-процессуальным законом их прав, обязанностей, ответственности и порядке производства следственных действий, которая удостоверяется подписями участников следственных действий. Так, не разъяснение понятым их прав и обязанностей лишает протокол следственного действия, в котором они участвовали, доказательственного значения. В практике встречаются случаи, когда протокол осмотра места происшествия изготовлен с помощью технических средств (компьютера и принтера). Необходимо отметить, что к уголовному делу следует приобщать черновые записи, которые делает следователь, дознаватель на месте осмотра. Кроме того, в протоколах иногда не указываются условия и характеристики применяемых технических средств, что недопустимо. Р.С.Белкин определяет фиксацию доказательств как систему действий по запечатлению в установленных законом формах фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела, а также условий, средств и способов их обнаружения и закрепления [1, с.119]. При этом протокол должен быть точным, последовательным, полным, объективным, целеустремленным [2, с.64]. Для фиксации предметов и документов, на наш взгляд, необходимы наглядность, четкость и ясность отражения родовых и индивидуальных признаков. Это определяется материальной природой самих предметов и документов [9, с.60].

Соблюдение порядка составления протокола дознавателем, следователем – это непереносимое требование закона. Нарушение процессуальной формы ведет к утрате доказательственного значения протокола.

О расширении круга источников доказательств за счет включения в него фотоснимков (кинолент, видеogramм) нельзя согласиться по следующим соображениям:– установленный в законе перечень источников доказательств является универсальным: он позволяет определить процессуально-правовую природу любого носителя доказательственной информации; – фотоснимки, киноленты и видеogramмы весьма неоднородны. Они могут быть образцами для сравнительного исследования, могут выполнять и вспомогательную роль [5, с.78-79]. В соответствии со статьей 81 Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР 1961 г. протоколы, удостоверяющие обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении для опознания, а также при производстве следственного эксперимента, являются доказательством по делу. Аналогичная статья действующего УПК Республики Таджикистан (ст.81) сформулирована менее удачно: «Протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим кодексом» [4, с.47-48].

Данная редакция с момента принятия УПК Республики Таджикистан вызывает в первую очередь вопросы у правоприменителей. Протоколы каких следственных действий причислены к данному виду доказательств?

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Таджикской ССР 1961 г, так и с действующим УПК РФ (2009г.) к данному виду доказательств по-прежнему следует относить протоколы следственных действий и судебного заседания, включающие информацию об условиях, ходе процессуального действия, осуществляемого дознавателем, следователем, судом и результаты непосредственного, чувственного восприятия явлений, материальной обстановки, следов преступления. Большинство этих следственных действий отличаются от допроса своей неповторимостью, в силу чего составление протокола, в котором дознаватель, следователь фиксируют результаты своего личного наблюдения, является единственным средством, позволяющим сохранить эти результаты для суда. Признавать документами в смысле ст. 82 УПК РФ, имеющими самостоятельное доказательственное значение, фотоснимки и кинодокументы, изготовленные при производстве следственных действий лицом, производящим следствие или дознание на неправильном понимании природы документов как самостоятельного вида доказательств. В данном случае фотоснимки и кинодокументы изготавливаются в ходе производства таких конкретных следственных действий (осмотр, обыск, следственный эксперимент и т.д.), с которыми связано непосредственное восприятие следователем определенных обстоятельств. Следователь выступает как бы свидетелем непосредственно воспринимаемых им событий, явлений, обстоятельств [6, с.97]. Гарантией достоверности отражения в протоколе непосредственно наблюдаемых следователем обстоятельств является участие в подобных следственных действиях понятых, а в необходимых случаях и специалистов. Изготавливаемые в ходе производства подобных следственных действий фотоснимки и кинодокументы не могут иметь самостоятельного доказательственного значения ни в качестве документов, ни в качестве вещественных доказательств. Они должны рассматриваться лишь как приложение к протоколу соответствующего следственного действия и зависеть от судьбы этого протокола, т.е. если будет признано, что соответствующее следственное действие было произведено с нарушением установленных законом порядка (например, в отсутствие понятых), то и сам протокол и приложения к нему фотоснимки и кинодокументы лишаются доказательственного значения [6, с.98]. Далее относительно такого следственного действия, как контроль и запись переговоров. О результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь с участием понятых и при необходимости специалиста, а также лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны, составляет протокол, в котором должна быть дословно изложена та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному уголовному делу. Лица, участвующие в осмотре и прослушивании фонограммы, вправе в том же протоколе или отдельно изложить свои замечания к протоколу. Фонограмма в полном объеме приобщается к материалам уголовного дела на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранится в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность прослушивания и тиражирования фонограммы посторонними лицами и обеспечивающих ее сохранность и техническую пригодность для повторного прослушивания, в том числе в судебном заседании (ч.7 ст.196 УПК Республики Таджикистан).

Доказательственная ценность протокола осмотра и прослушивания фонограммы состоит не в изложении в нем содержания записи, а в удостоверении самого факта ее существования на электронном или магнитном носителе, переданном в установленном порядке органами, осуществляющими контроль и запись переговоров. Протокол призван

удостоверить также целостность упаковки фонограммы и удостоверяющей ее печати органа, осуществляющего прослушивание, наличие технической возможности прослушивать запись переговоров, качество записи, отсутствие технических помех и т.д. Не имеющий самостоятельной доказательственной ценности протокол осмотра и прослушивания фонограммы переговоров, таким образом, имеет значение для оценки доказательственного значения самой фонограммы. Протокол осмотра и прослушивания фонограммы имеет значение для оценки доказательственного значения самой фонограммы. Это обстоятельство дает основание включить данный протокол в содержание предусмотренное ст.81 УПК Республики Таджикистан. К анализируемому виду доказательств на наш взгляд, правильно относит протокол о представлении доказательств кем-либо из участников уголовного процесса или протокол о принятии представленного им доказательства, позволяющих проследить происхождение того или иного документа или вещественного доказательства и дать ему надлежащую правовую оценку.

В названных случаях речь идет, конечно же, о процессуальных, но не следственных действиях.

Так же согласиться нельзя, что протокол о наложении ареста на имущество также относится к анализируемому виду доказательств, имеет доказательственное значение. Так как наложение ареста на имущество, денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, является мерой процессуального принуждения, но не следственным действием. Данная мера имеет своей целью обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Таким образом, протокол наложения ареста на имущество доказательственного значения не имеет. На наш взгляд, не являются доказательствами протоколы процессуальных действий об уничтожении либо технической переработке вещественных доказательств, составленные в соответствии со ст.79 УПК Республики Таджикистан. Протоколы следственных и иных процессуальных действий, составляющих содержание анализируемого вида доказательств, являются личными доказательствами; они могут быть первоначальными и производными; обвинительными и оправдательными; прямыми и косвенными. Протокол судебного заседания является важным процессуальным документом, отражающим ход судебного заседания. При подаче кассационных и надзорных жалоб и представлений участники процесса могут в обоснование своих доводов ссылаться на протокол судебного заседания. Вышестоящий суд при рассмотрении дел в кассационном и надзорном порядке проверяет законность действий нижестоящего суда и решает вопрос о соответствии судебного решения данным, установленным в судебном заседании, на основании протокола судебного заседания. В протоколе судебного заседания должно быть подробно зафиксировано содержание показаний; вопросы, заданные допрашиваемыми, и их ответы; результаты произведенных в судебном заседании осмотров и других действий по исследованию доказательств; обстоятельства, которые участники уголовного судопроизводства просят занести в протокол; основное содержание выступлений сторон в прениях и последнего слова подсудимого. Известно, что в ряде случаев секретари судебного заседания не успевают записать все произнесенное участниками уголовного судопроизводства либо неправильно понимают сказанное. В результате этого протокол судебного заседания становится недопустимым доказательством и не может быть положен в основу принимаемого судом решения. По данному вопросу УПК Республики Таджикистан предусматривает возможность использования в ходе судебного разбирательства технических средств документирования происходящего, что создает необходимые условия для составления полноценного протокола судебного заседания. Протокол су-

дебного заседания должен быть подготовлен и подписан председательствующим и секретарем судебного заседания не позднее пяти суток со дня окончания судебного заседания. Протокол в ходе судебного заседания может изготавливаться по частям, которые, как и протокол в целом, подписываются председательствующим и секретарем. По ходатайству сторон им может быть предоставлена возможность ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления (часть 5 статья 293 УПК Республики Таджикистан).

Иные документы собирают путем их истребования или представления. В соответствии с п.13 ч.2 ст.72 и ст.82 УПК Республики Таджикистан самостоятельным видом доказательств являются иные документы. Они допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст.85 УПК Республики Таджикистан. Для сравнения: аналогичная ст.81 Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР 1961 г. закрепляла положение о том, что «документы являются доказательствами, если обстоятельства и факты, удостоверенные или изложенные предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами имеют значение для уголовного дела». На наш взгляд, такое уточнение является более правильным. В действительности сведения, имеющие доказательственное значение, могут быть не только изложены в документах, но и удостоверены. Разнообразие иных документов позволяет произвести их классификацию. Они могут быть официальными, исходящими от государственных органов, организаций, и неофициальными, авторами которых являются граждане. Документы могут содержать удостоверенные сведения, имеющие значение для дела (нотариально удостоверенный документ, свидетельство о рождении, смерти, о праве на наследство) либо изложенные организациями, должностными лицами (справки, характеристики, акты бухгалтерских проверок). В самостоятельную группу следует отнести иные документы, полученные в стадии возбуждения уголовного дела: заявления граждан, материалы, направленные налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах, акты ревизий, инвентаризаций, ведомственных проверок, протоколы явки с повинной, объяснения очевидцев и др., для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР 1961 г. было закреплено правилом о возможности получения объяснений в стадии возбуждения уголовного дела. В действующем уголовно-процессуальном законе такая норма в ст.145 УПК Республики Таджикистан 2009 г. к сожалению, не закреплена. Ни в УПК 1961 г. ни в действующем УПК РТ нет прямого запрета рассматривать письменные объяснения граждан в качестве иных документов и использовать их в доказывании по уголовным делам. Если исходить из того, что вопрос о возбуждении уголовного дела решается по внепроцессуальным материалам, лишенным доказательственной силы, тогда нужно признать, что процессуальная форма действий, посредством которых эти материалы собираются, ничему не служит и превращается в формальность. Иные документы могут быть истребованы, представлены после возбуждения уголовного дела (материалы обследования условий жизни и воспитания несовершеннолетних; характеристики подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего; справки о судимости, наградах, взысканиях; копии приговоров по предыдущим судимостям; медицинские документы о состоянии здоровья, документы лечебных учреждений; объяснения лиц, полученных защитником в порядке ст.86 УПК Республики Таджикистан и т.д.). Иные документы могут быть первоначальными (подлинники) и производными (копии подлинников); обвинительными и оправдательными, прямыми и косвенными. Они, как и все другие доказательства, не имеют заранее установленной силы, независимо от содержания документа и должностного положения лица, его составившего, или нотариального удостоверения подлинности изложенных фактов. К числу иных

документов следует отнести и так называемые дополнительные материалы. Дополнительные материалы не могут быть получены путем проведения следственных действий, а также положены в основу окончательного решения суда по делу, за исключением бесспорных случаев, когда содержащиеся в таких материалах данные или сведения не требуют дополнительной проверки и оценки судом первой инстанции (факт смерти осужденного после подачи им кассационной жалобы, недостижение осужденным возраста уголовной ответственности, отсутствие прежней судимости и т.д.). Дополнительные материалы приобщаются к уголовному делу, если имеют к нему отношение. Однако в качестве самостоятельного вида доказательств могут рассматриваться лишь документы, за которыми закон признает юридическую силу (завещания, доверенности, договоры и т.п.). Все иные документы, исходящие от граждан (заявления, объяснения и т.п.), хотя и являются документами в обыденном понимании этого слова, не являются судебными доказательствами. Сведения, сообщаемые гражданами в подобного рода документах, обязательно должны быть получены и проверены допросом этих граждан в установленном законом порядке, обеспечивающем гарантии достоверности таких сведений. Признание за подобного рода заявлениями, объяснениями значений документов как самостоятельного вида доказательств приводит к нарушению установленного законом порядка собирания доказательств [6, с.97]. Документы приобщаются к материалам уголовного дела и хранятся в течение всего срока хранения. Документ является вещественным доказательством в тех случаях, когда он подпадает под его признаки, т.е. если он служил орудием преступления, или сохранил на себе следы преступления, или явился объектом преступных действий подозреваемого (обвиняемого) и т.д. Если документ является вещественным доказательством, то на него распространяется процессуальный режим оформления последнего. Документ, свидетельствующий о хранении вещественных доказательств отдельно от материалов дела должен содержать следующие реквизиты: Ф.И.О. лица, которому передано на хранение вещественное доказательство, или фактический адрес хранения и ответственного за сохранность вещественного доказательства: указание на упаковку вещественного доказательства, либо его ассортимент с описанием индивидуальных признаков; дата, место передачи, должность, Ф.И.О. должностного лица, передавшего вещественное доказательство на хранение; при этом документ должен быть скреплен личными подписями лиц, участвующих в приеме-передаче [9, с.64].

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М., 1997. – Т.2. – 323 с.
2. Белкин Р.С., Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. – М., 1997. – 342 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. Закон Республики Таджикистан от 3.12.2009 г. №137. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 262 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР (с изм. и доп. на 1 января 1989г.). – Душанбе: Ирфон, 1961. – 293 с.
5. Ходжаева Н.Б. Фотоснимки, видеозаписи, фонограммы в системе доказательств в уголовном процессе // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – Душанбе: Сино, 2013. – №3/6 (121). – С.78-82.
6. Ходжаева Н.Б. О способах собирания доказательств в уголовном процессе // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – Душанбе: Сино, 2014. – №3/2 (132). – С.94-100.
7. Ходжаева Н.Б. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – Душанбе: Сино, 2014. – № 3/3 (136). – С.106-114.

8. Ходжаева Н.Б. Свойство и классификации доказательств в уголовном судопроизводстве // Развитие судебного права, уголовного права и правоохранительной деятельности в Республики Таджикистан: материалы респ. науч-практ. конф. – Душанбе, 2015. – С.284-297.
9. Ходжаева Н.Б. Уголовно-процессуальная регламентация: Изъятие, осмотр и хранения вещественных доказательств // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – Душанбе: Сино, 2015. – №3/3 (166). – С.56-65.

PROCEDURAL DOCUMENTS AS A PROOF IN CRIMINAL PROCESS

Khojaeva Nargis Balajonovna

Senior teacher of chair of judicial law and prosecutor's supervision
Tajik national university
Rudaki ave. 17, 734025 Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (992) 918 65 82 88 (m.)

In article on the basis of standards of the new Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan some problems of the theory, practice and a legislative regulation of procedural documents as proofs in criminal trial are considered.

Key words: procedural documents; criminal trial of the proof; sources; Code of Criminal Procedure; proof subject.

УДК 336.221

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Шарифзода Тахмина

Старший преподаватель кафедры экономического и финансового права
Финансово-экономический институт Таджикистана
Ул. Нахимова 64/4, 734017, Душанбе, Республика Таджикистан
Тел.: (+992) 935 44 77 22 (м.)

Статья посвящена вопросу теоретико-правовой характеристики налогообложения как функции государства, обосновывается что налоги, являясь одним из признаков государства, позволяют аккумулировать необходимые финансовые ресурсы для осуществления всех функций государства. Затрагиваются также вопросы принципов налогообложения, на которых строится налоговая система.

Ключевые слова: налоги; налогообложение; налоговая система; налоговое бремя; функции государства; предпринимательская деятельность; справедливость.

Общеизвестно, что современное государство не может функционировать без взимания налогов. И это бесспорно, так как наряду с тем, что налоги являются одним из признаков государства, именно налоги позволяют аккумулировать необходимые финансовые ресурсы для осуществления всех функций государства. Основываясь на этом, можно даже констатировать, что одной из важных основ, которые создают условия для реализации государственной власти или даже ее легитимности, являются налоги. Т.е. без налогов государство попросту не сможет функционировать и именно налоги создают предпосылки для реализации других функций государства. В связи с этим налогообложение (взимание налогов) является одной из основных функций государства, позволяющих реализовать другие его функции. На теоретико-правовых аспектах этой функции государства мы остановимся более подробно.

Реальный процесс налогообложения осуществляется государством и во многом зависит от степени развития его демократических форм. Поэтому исследование природы налога современная наука осуществляет в рамках учения о государстве. С одной стороны, государство должно иметь достаточно средств для осуществления своих основных функций (оборона, наука, образование и др.) а с другой – налоговая ноша предприятий и граждан не может быть слишком тяжелой, чтобы не отнимать стимулы к труду и не сдерживать экономический рост [4, с.39].

Налоги являются одной из самых сложных для понимания категорий, поэтому, несмотря на то, что в литературе приводится много определений налога, на современном этапе вопрос о дефиниции этого понятия, в полном объеме отражающей признаки, функции и роль налогов, остается актуальным и дискуссионным.

С точки зрения Л.Б.Рейдель, изучение функции налогообложения позволяет поставить и решить вопрос о природе этой функции и ее самостоятельном характере, особом

месте в системе функций современного государства, которая отражает один из признаков государственности [3, с.7].

История налогов показывает нам двойное происхождение института налогообложения и, следовательно, его социально-экономического и правового содержания: во-первых, это налогообложение, возникшее из контрибуции и дани, это, преимущественно налогообложение побежденных, иностранцев или просто угнетенных классов, которое нередко принадлежало к другой, относительно господствующей, национальности – это налогообложение докапиталистического, в частности, феодального общества.

Второй тип налогообложения, возникший после появления постоянного, а значит профессионального войска, носит совершенно другой характер, он процессуально устанавливается после долгих переговоров с участием различных представительных учреждений, парламентов и т.д. – налогообложение капиталистического общества.

Налогообложение в обществе, все более и более утверждавшем рыночные принципы хозяйствования, стало распространяться не только на «свой класс», как при феодализме – на земельного собственника, но также на «чужие классы», то есть на пролетариат и крестьян и даже преимущественно на последних» [5, с.341].

История свидетельствует, что налоги являются более поздней формой государственных доходов. Для исследования содержания функции налогообложения необходимо отметить, что первоначально налоги носили временный характер. Однако постоянные войны и создание огромных армий, не распускаемых и в мирное время, требовали больших средств, и налогообложение превратилось из временного в постоянный источник государственных доходов, во многом изменив свое функциональное содержание.

Налогообложение становится обычным методом пополнения государственных средств. В этой связи известный политический деятель Северной Америки Б.Франклин отметил, что «платить налоги и умереть должен каждый» [7, с.376].

В.К.Бабаев считает, что налоги являются необходимым атрибутом государства, его важнейшим и неотъемлемым признаком [1, с.29].

Сегодня вопросам налогообложения уделяется достаточно внимания. Однако, они затрагивают, главным образом, практический аспект. Анализ теоретических проблем, юридической природы политико-правовых институтов, в том числе и налогообложения, производится весьма поверхностно, с описанием, как правило, исторических фактов. Вместе с тем, осмысление и анализ теоретико-правовых проблем налогообложения представляется не менее актуальным [2, с.61].

Самое простое определение налогов следующее: налоги – это обязательные платежи с населения, предприятий и других хозяйствующих субъектов, взимаемые государством.

Налог представляет собой часть производимого в стране общественного продукта, выступающего вне связи с получением налогоплательщиками какой бы то ни было определенной выгоды от этого.

Как видим, в современной науке относительно понятия налога наблюдается относительное единодушие. Большинство авторов так или иначе признают в качестве такового обязательный, безвозмездный платёж в пользу государства.

Любая организация (в том числе государство), нуждающаяся в средствах на свое существование и на решение стоящих перед ней задач, а также имеющая возможность применять принуждение к определенным лицам, в принципе, может получать средства с этих лиц и без какой-либо нормативной регламентации.

В древних государствах и обществах, а также во времена социальных потрясений процесс сбора средств в пользу власти мог не отличаться от грабежа; победившие наро-

ды получали средства в виде военной добычи и дани. С течением времени важную роль в формировании государственных доходов стали играть домены (доходы от использования государственного имущества) и регалии (доходы от государственных монополий).

В современном государстве основная часть государственных доходов формируется именно от налогов, а отсутствие средств в его бюджете неминуемо приведет к прекращению существования и развалу данного государства.

В настоящее время любое современное государство независимо от формы правления, государственного устройства не может обойтись без собственных финансовых средств, необходимых для решения стоящих перед ним задач. Как показывает мировой опыт, большую часть государственного бюджета составляют именно налоги.

Налоговый кодекс Республики Таджикистан является основным законодательным актом, который систематизирует и регламентирует правовые нормы в области налогового законодательства.

Налоговый кодекс определяет, что налог – это обязательный платёж в бюджет, осуществляемый в определённом размере, носящий обязательный, безвозвратный и безвозмездный характер.

Современное таджикское государство, провозгласившее свободу предпринимательской деятельности, обычно не сосредоточивает большого объема государственной собственности и не имеет существенных доходов от ее использования.

Если рассматривать налоги с точки зрения современного государства, то их можно упрощенно охарактеризовать как основные денежные публично-правовые доходы государства.

Любое государство, в том числе и Таджикистан, должно придать исключительно большое значение принципам (основополагающим началам), на которых строится налоговая система. В этой связи следует подчеркнуть, что налогообложение как одна из основных функций государства должна четко отражать в себе такой общеправовой принцип как справедливость. Как по этому поводу отмечает Б. З. Увайсаев, «справедливость на уровне налогового права проявляется как публичный принцип этой подотрасли финансового права и отражает определенную закономерность правового регулирования налогообложения, в соответствии с которой должна быть учтена и такая функция налогов, как возможность обеспечивать социальную поддержку малообеспеченных слоев населения с одновременным применением дифференцированного и прогрессивного налогообложения граждан, получающих высокие и сверхвысокие доходы» [6, с.6].

Отражение этого принципа в налоговом праве государства не только приведет к оптимизации налогообложения, но и к должному пониманию со стороны налогоплательщиков. Этот же автор пишет, что защита прав граждан на уровне налогового права проявляется как публичный принцип этой подотрасли финансового права, действие которого направлено на то, чтобы исключить налоговую дискриминацию, введение налогов, ухудшающих положение налогоплательщиков, гарантировать равенство налогообложения, не допустить установление налогов, препятствующих реализации гражданами своих конституционных прав. Особым аспектом действия данного принципа является введение презумпции невиновности налогоплательщика [6, с.6].

В современных условиях правильно организованная налоговая система должна отвечать следующим основным принципам: налоговое законодательство должно быть стабильно; взаимоотношения налогоплательщиков и государства должны носить правовой характер; тяжесть налогового бремени должна равномерно распределяться между категориями налогоплательщиков и внутри этих категорий; взимаемые налоги должны быть соразмерны доходам налогоплательщиков; способы и время взимания налогов должны

быть удобны для налогоплательщика; равенство налогоплательщиков перед законом (принцип не дискриминации); издержки по сбору налогов должны быть минимальны; нейтральность налогообложения в отношении форм и методов экономической деятельности; доступность и открытость информации по налогообложению; соблюдение налоговой тайны.

Будучи выражением конституционных норм, основные принципы налогообложения подлежат применению независимо от того, закреплены они в законе или нет. Законодательное закрепление принципов лишь должным образом обеспечивает их реализацию, формализуя их.

Природа основных принципов носит "надзаконный" характер. Это связано с тем, что основные принципы налогообложения служат воплощению и защите основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина. Основные принципы налогообложения направляют и связывают законодательную власть, имея для неё "эталонное" значение. Поэтому закрепление этих принципов в законе является своего рода их констатацией, а не установлением законодательной воли.

В основной массе, при недостаточности законодательного регулирования основных принципов налогообложения, их формулирование и раскрытие нормативного содержания осуществляется Конституционным судом Республики Таджикистан. При этом правовые позиции Конституционного суда Республики Таджикистан, в которых формулируются основные принципы налогообложения, обязательны для всех органов государственной власти на территории Таджикистана. Именно с соблюдением правовых позиций Конституционного суда Республики Таджикистан должна строиться законодательная работа всех органов исполнительной власти. Толкование норм налогового законодательства также должно осуществляться с учётом основных принципов налогообложения. Тем самым должна достигаться интерполяция конституционных норм в действующее налоговое законодательство, а следовательно и реализация принципа конституционности.

Функция налогообложения реализуется государством прежде всего в порядке принятия ряда законодательных актов. Посредством этих актов государство в лице соответствующих органов устанавливает и вводит налоги, формирует на этой основе налоговую систему, определяет режим налогообложения по каждому виду налога, создает специализированные налоговые органы и определяет их компетенцию, устанавливает ответственность за нарушение налогового законодательства и т.д. Эти акты лежат в основе многочисленных общественных отношений, которые возникают в процессе налоговой деятельности государства и носят характер налоговых отношений. В рамках этих отношений государство регулирует поведение субъектов путем закрепления и установления прав и обязанностей.

Таким образом, нормативные правовые акты налогового законодательства одновременно выступают в качестве юридического основания налогообложения и в роли источника правового регулирования общественных отношений, являющихся по своим юридическим признакам налоговыми.

Подытоживая вышесказанное, хотелось бы отметить, что функция налогообложения современного государства в будущем останется одной из самых основных функций государства. От её должной, профессиональной и оптимальной реализации зависит как качество, так и количество взимания налогов. Изложенное требует проведения реформирования налогового законодательства, институционального развития налоговых органов и внедрения передового опыта налогообложения. Словом, эта важнейшая функция госу-

дарства предполагает проведение комплекса мер, которые должны в итоге привести к эффективной реализации данной функции государства.

Литература

1. Бабаев Вл.К. Функции современного Российского государства. – Н.Новгород, 2001. – 98с.
2. Брызгалин А.В. К вопросу о формировании налогового права как подотрасли права // Государство и право. – 2000. – №6. – С.61-67.
3. Рейдель Л.Б. Правонарушения в сфере реализации функции налогообложения Российского государства: дис... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Рейдель Леонид Бенценович. – Коломна, 2001. – 207с.
4. Сайдамов А.А. Налоговая функция государства: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сайдамов Александр Александрович. – М., 2005. – 175с.
5. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. – М.: Проспект, 1999. – 300с.
6. Увайсаев Б.З. Принципы налогового права в системе принципов российского права: Теоретико-правовое исследование: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Увайсаев Батрутдин Заурбекович. – Ростов-на-Дону, 2005. – 208с.
7. Франклин Бенджамин. Сочинения: в 4 т. Т. 2. – М., 1983. – 478с.

ON THE PROBLEM OF THEORETICAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF TAXATION AS A FUNCTION OF THE STATE

Sharifzoda Tahmina

Senior teacher of chair of economic and financial law
Finance and economics institute of Tajikistan
Nakhimov 64/4, 734017, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992) 935 44 77 22 (m.)

The article deals with considering the theoretical and legal characteristics of the tax as a function of the state. It is concluded that being one of the symptoms of the state, the taxes allow to accumulate the necessary financial resources to implement all the functions of the state. The taxation principles in which the tax system is built are studied as well.

Key words: taxes; taxation; tax system; the tax burden; functions of the state; entrepreneurship; justice.

УДК 347.457 (575.3)

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОЖЕННЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Шабозов Рустам Гарибшоевич

Преподаватель кафедры предпринимательского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
Ул. М. Турсунзаде 30, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан
Тел.: (+992 44) 600 40 98
shrg@tsb.tj

В статье рассматриваются основания обращения взыскания на заложенные ценные бумаги, предусмотренные Гражданским кодексом Республики Таджикистан. Выявляется оценочный характер категорий «крайняя незначительность нарушения» и «явная несоразмерность причинённых нарушением убытков стоимости предмета залога», являющихся основанием отказа в обращении взыскания на заложенные ценные бумаги. Даются авторские предложения по конкретизации понятий «крайняя незначительность» и «явная несоразмерность» посредством указания конкретных ориентиров данных категорий.

Ключевые слова: залог ценных бумаг; залоговый должник; залоговый кредитор; обращение взыскания; крайняя незначительность; явная несоразмерность.

Обеспечительное назначение залога состоит в том, что залогодержатель в случае неисполнения должником по основному обязательству принятых на себя обязательств получает возможность удовлетворить свои имущественные требования за счёт заложенного имущества, обратив на него взыскание. То есть категория «обращение взыскания на заложенное имущество» есть главная составляющая обеспечительной природы залоговых отношений, призванная гарантировать защиту имущественного интереса кредитора в случае неисполнения должника.

Указанные юридические действия могут быть совершены только при наличии предусмотренных законом оснований. По общему правилу взыскание на заложенные ценные бумаги для удовлетворения требований залогодержателя (кредитора) может быть обращено в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства по обстоятельствам, за которые он отвечает (ч. 1 ст. 377 Гражданского кодекса РТ). То есть в качестве общего основания обращения взыскания на заложенные ценные бумаги законодатель определяет нарушение должником обязательства, обеспеченного залогом, в виде его «неисполнения» либо «ненадлежащего исполнения».

Хотя в гражданско-правовой доктрине всегда делались попытки разграничить названные понятия [11], применительно к нарушениям залогового обязательства как основанию обращения взыскания на заложенные ценные бумаги законодатель исходит из единого подхода к нарушениям в данной сфере, используя универсальную формулировку

ку «неисполнение – ненадлежащее исполнение» для характеристики единого понятия нарушения залогового обязательства. Поэтому существующая в определённых случаях смысловая и правовая различимость категорий «неисполнение» и «ненадлежащее исполнение» в целях рассмотрения их в качестве оснований обращения взыскания на заложенные ценные бумаги не имеет существенного значения.

Однако следует отметить, что законодатель, используя неразрывную терминологическую формулировку «неисполнение (ненадлежащее исполнение)» для характеристики общего понятия нарушения залогового обязательства, помимо этого определяет основные формы проявлений этих нарушений. Так, по смыслу ст. 41 Закона РТ «О залоге движимого имущества» неисполнение (ненадлежащее исполнение) залогового обязательства может быть выражено в следующих основных формах: 1) нарушение порядка и сроков выплаты процентов, установленных договором; 2) нарушение порядка и сроков возврата сумм основного долга, установленных законом или договором; 3) невыполнение должником требований залогодержателя о досрочном исполнении обеспеченного залогом обязательства в случаях, предусмотренных законом.

Приведённый перечень залоговых нарушений законодатель оставляет открытым, указывая, что взыскание на предмет залога для удовлетворения требований залогодержателя (кредитора) может быть обращено в иных случаях, предусмотренных законодательством Республики Таджикистан или договором (ч.1 ст. 41 Закона РТ «О залоге движимого имущества»).

Рассматривая неисполнение (ненадлежащее исполнение) залоговых обязательств в качестве основания возникновения у банка-кредитора права на удовлетворение своих требований за счёт заложенных ценных бумаг, следует иметь в виду, что само по себе неисполнение (ненадлежащее исполнение) залоговым должником своих обязательств перед банком не может служить основанием обращения взыскания на ценные бумаги. Для этого необходимо, чтобы нарушение залогового обязательства произошло в силу обстоятельств, связанных с самим должником. Если быть более точным, законодатель использует в данном случае формулировку «обстоятельства, за которые должник отвечает». Если же причиной неисполнения или ненадлежащего исполнения залогового обязательства послужили обстоятельства, за которые должник не может нести ответственность, например, непреодолимая сила, то такое неисполнение (ненадлежащее исполнение) не будет являться основанием обращения взыскания на заложенные ценные бумаги. Ввиду этого, при рассмотрении дел об обращении взыскания на заложенные ценные бумаги предметом доказывания по делу должен являться вопрос о том, вызвано ли неисполнение (ненадлежащее исполнение) обстоятельствами, за которые должник отвечает, а также освобождается ли он от ответственности за такое неисполнение в соответствии с условиями кредитного обязательства.

Так, решением Высшего экономического суда РТ от 15 ноября 2011 года удовлетворены иски о требованиях ОАО «Содиротбанк» (далее – Банк или истец) об обращении взыскания на предмет залога – 1216 обыкновенных акций (16 процентов от уставного капитала) ОАО «Шукрона98», принадлежащих ЗАО «Ормон» (далее залогодатель или ответчик), которое в обеспечение исполнения своих обязательств по кредитному договору № 142/264 от 19 июня 2008 года заключило с Банком договор залога № 564-III от 23 июня 2008 года.

Удовлетворяя иски о требованиях, суд исходил из того, что факт предоставления кредита ответчику подтверждён выписками по его счёту, что, согласно справке истца, задолженность по кредитному договору по состоянию на 14 ноября 2011 года со-

ставила 156 562 доллара США, при этом залогодатель обязался всем своим имуществом отвечать за выполнение кредитных обязательств.

Решение было принято в отсутствие ответчика, извещённого судом по его юридическому адресу в соответствии с нормами ст. 73 Экономического процессуального кодекса Республики Таджикистан.

Не согласившись с решением суда, ЗАО «Ормон» обратилось в Высший экономический суд РТ с кассационной жалобой, в которой просило отменить решение суда первой инстанции и направить дело на новое рассмотрение.

Заявитель ссылаясь и на то, что судом не исследовались обстоятельства соблюдения порядка взыскания задолженности по кредитному договору с залогодателя, что было необходимо.

Изучив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, заслушав представителей истца и ответчика, кассационная инстанция Высшего экономического суда Республики Таджикистан посчитала решение от 15 ноября 2011 года подлежащим отмене в связи с неправильным применением норм материального права.

В соответствии с ч.1 ст. 377 Гражданского кодекса РТ взыскание на заложенное имущество для удовлетворения требований залогодержателя (кредитора) может быть обращено в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства по обстоятельствам, за которые он отвечает.

Таким образом, при рассмотрении исков об обращении взыскания на заложенное имущество в предмет доказывания по делу входят обстоятельства исполнения или неисполнения обеспеченных залогом обязательств. Также должно быть исследовано, было ли вызвано ли ненадлежащее исполнение обстоятельствами, за которые должник отвечает, а также освобождается ли должник от ответственности за такое неисполнение в соответствии с условиями обязательства и применимыми к нему законами и иными нормативными правовыми актами Республики Таджикистан.

Однако обстоятельства, связанные с исполнением обязательства ЗАО «Ормон» по возврату кредитных средств и уплате процентов за пользование кредитом, судом не устанавливались, истцом доказательства неисполнения заемщиком основного обязательства не представлялись и судом не исследовались. В материалах дела имеется лишь справка истца о том, что денежные средства от ЗАО «Ормон» в погашение кредитного долга не поступали, других доказательств, подтверждающих или опровергающих данное обстоятельство, в материалах дела нет.

С учётом изложенного решение первой инстанции Высшего экономического суда РТ от 15 ноября 2011 года было признано подлежащим отмене как принятое при неправильном применении норм ч. 1 ст. 377 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, в результате чего не были установлены обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения спора по иску об обращении взыскания на заложенное имущество.

Поскольку в полномочия кассационной инстанции Высшего экономического суда Республики Таджикистан не входит установление обстоятельств и исследование доказательств, то дело подлежало направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции. При новом рассмотрении суду надлежало установить все имеющие значение для правильного разрешения спора обстоятельства и исследовать все доказательства, подтверждающие или опровергающие факт неисполнения ЗАО «Ормон» кредитных обязательств по обстоятельствам, за которые он отвечает [3].

Говоря о нарушениях должником обеспеченного залогом обязательства как об основании возникновения у банка-кредитора права на удовлетворение своих требований за счёт заложенных ценных бумаг, следует отметить, что законодатель допускает случаи

отказа в обращении взыскания на заложенные ценные бумаги. Так, в силу ч.2 ст. 377 Гражданского кодекса РФ в обращении взыскания на заложенные ценные бумаги может быть отказано, если допущенное должником нарушение обеспеченного залогом обязательства крайне незначительно и размер требований залогодержателя вследствие этого явно несоразмерен стоимости заложенного имущества.

Исходя из таких законодательных положений, следует, что обращение взыскания на заложенные ценные бумаги возможно не за всякое нарушение кредитного обязательства должником, а лишь за такое, которое имеет существенный характер. Категории «крайняя незначительность нарушения» и «несоразмерность причинённых нарушением убытков стоимости предмета залога» выступают здесь в качестве объективных критериев неправомерности действий залогодержателя по взысканию ценных бумаг. Установление этих фактов является основанием отказа залогодержателю в обращении взыскания на заложенное имущество и в случае вынесения судебного решения без учёта этого правила влечёт его отмену.

В доктрине гражданского права различным образом объясняют назначение данной нормы. М.И.Брагинский, например, рассматривает данную норму как направленную на защиту интересов залогодателя как слабой стороны в договорном правоотношении [2, с.93-94]. Е.А.Макарова полагает, что данное правило «является конкретизацией более общего положения о том, что не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах» [7, с.724]. Другие авторы цель установления этих условий видят в реализации общегражданского принципа разумности и соразмерности [4, с.83].

На наш взгляд, если учитывать тот факт, что основное назначение субъективного права сводится к практической реализации заложенных в частном праве потребностей индивида [5, с.297], назначение данной нормы кроется во всех перечисленных аспектах. Другой вопрос в том, отвечает ли своему назначению данная норма при её действующей формулировке.

Дело в том, что законодатель, используя в приведённой норме категории «крайняя незначительность» и «явная несоразмерность», не делает при этом указаний относительно того, какую смысловую нагрузку несут данные термины, что, на наш взгляд, может создавать определённые трудности в правоприменительной практике. Ведь отсутствие в данном случае понятийной конкретизации переводит рассматриваемые категории в ряд оценочных и не позволяет однозначным образом определить их содержание.

В одном из комментариев к названной статье Гражданского кодекса РФ приводится следующий пример незначительности допущенного должником нарушения обеспеченного залогом обязательства. Если по договору банковского кредита залогодатель на сумму кредита построил дом, а к моменту окончания срока действия кредитного договора не погасил оставшуюся кредитную задолженность в размере 0,1%, то ввиду незначительности суммы долга в обращении взыскания на дом может быть отказано [6, с.560].

В приведённом примере, конечно, наглядно демонстрируется явная незначительность нарушений залоговым должником кредитных обязательств. Однако на деле могут иметь место ситуации, когда однозначно решить вопрос о степени значительности нарушения основного обязательства и степени соразмерности требований залогодержателя к стоимости заложенного имущества крайне сложно. Ведь под категорию незначительности в данном случае можно подвести большой ряд нарушений в сфере обязательственных отношений. К тому же из содержания названной нормы усматривается, что отказ в удовлетворении требования об обращении взыскания на заложенное имущество

будет правомерным только при одновременном наличии указанных двух условий: явной несоразмерности размера требований залогодержателя стоимости заложенного имущества и крайней незначительности допущенного должником нарушения обеспеченного ипотекой обязательства. Ввиду этого крайне нежелательно оставлять на усмотрение суда толкование неоднозначно определённых терминов.

В гражданско-правовой доктрине отсутствует единый подход к содержательному пониманию указанных терминов. А.А.Лукинец, например, считает, что при определении крайней незначительности нарушения необходимо сопоставлять размер причинённых убытков с суммой обеспечиваемого обязательства, а при установлении явной несоразмерности исходить из размера требований залогодателя со стоимостью заложенного имущества [8, с.170-171]. С.П.Гришаев предлагает оценивать размер причинённых убытков путём сопоставления его со стоимостью предмета залога [10, с.662]. О.В.Белая предлагает принимать во внимание исключительно денежный характер нарушения [1, с.112-114].

Не сложилось единого подхода в части понимания указанных категорий и в правоприменительной практике. Анализ судебной практики по данному вопросу показал, что на сегодняшний день судебными органами не выработана единая методика официального установления критериев «крайняя незначительность» и «явная несоразмерность». Поэтому судам в каждом конкретном случае вменения данного оценочного признака нарушения обязательства приходится решать весьма сложный вопрос возможности отнесения того или иного последствия действий должника к этой категории.

Таким образом, отсутствие законодательной формализации критериев крайней незначительности и явной несоразмерности и официальных судебных разъяснений о порядке применения ч.2 ст. 377 Гражданского кодекса РФ приводят к тому, что возникают сложности в вопросе доказывания указанных условий и, тем самым, затрудняется реализация права залога. Данные критерии, служащие определению степени нарушения основного обязательства, необходимой для предъявления требований залогодержателем, не выполняют свою функцию. Более того, такое положение дел предоставляет широкие возможности суду для субъективного рассмотрения данного вопроса.

На наш взгляд, оценка несоразмерности требований залогодержателя стоимости заложенного имущества должна носить денежный характер путём сопоставления размера требований залогодателя со стоимостью заложенного имущества. Что же касается выявления степени нарушения основного обязательства, то, думается, при определении крайней незначительности необходимо руководствоваться не размером неисполненного обязательства, а правовой природой такого неисполнения, то есть обращать внимание на существенность допущенного нарушения. Критерием определения степени нарушения обязательства здесь может выступать длительность просрочки исполнения обязательства.

Ввиду этого считаем необходимым устранить несовершенство формулировки данной нормы, конкретизировав в ней понятия «крайняя незначительность» и «явная несоразмерность» посредством указания конкретных ориентиров данных категорий. Это позволит определить, в каких случаях требования кредитора об обращении взыскания на заложенное имущество следует квалифицировать как неправомерные, и, тем самым, защитить залогодателя от неправомерной утраты своего имущества.

Итак, предлагаем следующую формулировку ч. 2 ст. 377 Гражданского кодекса РФ:

«В обращении взыскания на заложенное имущество может быть отказано, если допущенное должником нарушение обеспеченного залогом обязательства крайне незначительно и размер требований залогодержателя вследствие этого явно несоразмерен

стоимости заложенного имущества. Нарушение обеспеченного залогом обязательства предполагается крайне незначительным, если период просрочки исполнения обеспеченного залогом обязательства составляет менее трёх месяцев. Размер требований залогодержателя предполагается явно несоразмерным стоимости заложенного имущества, если сумма неисполненного обязательства составляет менее трёх процентов от размера стоимости заложенного имущества, установленного в договоре о залоге».

Литература

1. Беляя О.В. Залог имущественных прав: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Беляя Олеся Валерьевна. – М., 2006. – 231 с.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. – М.: Статут, 2001. – 848 с.
3. Дело №87-219. С.132 / Архив Высшего экономического суда Республики Таджикистан за 2012 год.
4. Зюзин В.А., Королев А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 16 июля 1998 г. №102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2008. – 304с.
5. Камышанский В. П. Некоторые проблемы правового регулирования отношений по обеспечению государственных и муниципальных нужд // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. – 2011. – № 4. – С. 295-301.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Таджикистан, части первой (постатейный) с использованием судебной практики / авт. колл. Х.Т.Насиров, Л.А.Рахманова, Л.И.Ходжаева и др. – Душанбе: USAID, 2004. – 718 с.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, ч.1 / под ред. Т.Е.Абовой, А.Ю.Кабалкина. – М., 2004. – 1069 с.
8. Комментарий к Федеральному закону «Об ипотеке (залоге недвижимости)» / под общ. ред. И.Д.Грачева. – М.: Норма:Инфра – М., 1999. – 348 с.
9. Комментарий к части первой ГК РФ для предпринимателей / рук. авт. колл. проф. М.И.Брагинский. – М.: Фонд «Правовая культура», 1995. – 479 с.
10. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч.1 / под ред. В.П.Мозолина, М.Н.Малеиной. – М.:Норма, 2004. – 848 с.
11. Победоносцев К.П. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. [Электронный ресурс]. – СПб.: Синодальная типография, 1896. Доступ из спр.-правовой системы «Гарант».

TO THE QUESTION OF THE GROUNDS OF FORECLOSURE OF PLEDGED SECURITIES IN THE CIVIL LAW OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Shabozov Rustam Garibshoevich

Lecturer of chair of business law
Russian-Tajik (Slavonic) university
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992 44) 600 40 98
shrg@tsb.tj

The article deals with the rationale foreclosure on pledged securities provided by the Civil Code of the Republic of Tajikistan. The evaluative categories "extremely insignificant violations" and "a clear

violation of the disparity caused loss of the collateral value» that means the grounds for refusal of foreclosure of the pledged securities are determined. The author offers to specify the concepts of "extremely small" and "clear disproportion" by indicating specific targets of these categories.

Key words: pledging of securities; mortgage debtor; the secured creditor; foreclosure is extremely small; obvious disparity.

УДК 347.6 (575.3)

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА НАСЛЕДСТВЕННОГО
ПРАВОПРЕЕМСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА
(досоветский период)**

Алимов Джахонгир Суробшоевич

Преподаватель кафедры гражданского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
Ул. М. Турсунзаде 30, 734025, Душанбе, Таджикистан
Тел.: (+992 37) 227 67 40

В статье рассматривается одна из особенностей развития института наследственного правопреемства досоветского периода – смена различных правовых систем на территории Таджикистана.

Ключевые слова: Средняя Азия; Таджикистан; исламское наследственное право; правопреемство; Хидоя.

Развитие института наследственного правопреемства на территории Таджикистана в досоветский период является одним из актуальных вопросов в современной отечественной юридической науке. В представленной работе нами предпринята попытка провести краткий историко-правовой анализ развития рассматриваемого института. Мы считаем, что проведение данного исследования вполне способно помочь дальнейшему развитию наследственного права, с учетом достижений таджикской суверенной государственности, а также национальных приоритетов.

Вопреки некоторым утверждениям о том, что Таджикистан является псевдогосударственным объединением, искусственно созданным в советские времена, по справедливому замечанию Д.М.Зоирова, «истоки формирования этнического многообразия и государственности таджиков в современной Средней Азии уходят вглубь веков» [1, с.74]. Поэтому, бесспорно, досоветский период развития права охватывает достаточно большой временной промежуток, в рамках которого можно увидеть действие различных, по своей сути, правовых систем: право зороастризма, исламское право, имперское (российское) право, адатское (обычное) право.

Зороастрийское право, как и любое право того времени, не могло обойтись в регулировании общественных отношений (в частности, наследственных) древних государств Средней Азии и Ирана без влияния религии, обычаев и нравов. Поэтому нормы наследственного права, в основном, исходили из главного источника того времени – Авесты.

Как отмечает А.Г.Холиков, «в отличие от исламского права, зороастрийское право не имело опыта классификации права как теоретически, так и практически по отраслям права» [10, с.107], поэтому говорить о появлении института наследственного правопреемства на территории исторического Таджикистана в то время, конечно же, рано. Однако все же можно из дошедших до нас источников условно определить наличие рассмат-

риваемого института и выделить некоторые особенные черты действующей правовой системы, которые относятся к институту наследственного правопреемства.

Во-первых, правовые нормы зороастризма были направлены на защиту прав и свобод добрых и справедливых наследников, например, наличие законного брака считалось основанием возникновения наследственных прав. Такая концепция, т.е. концепция о чистоте и справедливости содержания и механизма приобретения права собственности, по мнению А.Г.Холикова [10, с.132], преследует цель построения гуманного общества.

Во-вторых, правовые нормы зороастризма призваны были защищать права всех законных наследников, в том числе и неродившегося ребенка, правоспособность которого признавалась, как предполагает А.Г.Холиков [10, с.139], с первого месяца беременности.

В-третьих, необходимым требованием наследования считалось наличие у лица статуса личности, который передавался по наследству только тем, кто являлся законным наследником [10, с.141]. Как отмечает И.Б.Буриев, «личный статус лица устанавливался в зависимости от отношения к религии (т.е. было ли лицо зороастрийцем или нет), социального места (т.е. было ли лицо свободным или рабом), принадлежности к сословию (жрецы, военные, земледельцы, ремесленники)» [1, с.54].

В-четвертых, сын, как продолжатель рода, был обязан идти по стопам отца, т.е. выбирать профессию, которой занимался его отец, и тем самым наследовать дела отца. По мнению некоторых авторов [10, с.186-187], от данного института также во многом зависел в будущем правовой статус наследников.

С распространением исламского права на территории Средней Азии можно увидеть появление в действующей правовой системе того времени института наследственной правопреемственности. Особенно это связано с возникновением первого таджикского государства – Саманидского, право которого, в большей части, было основано на исламской правовой системе [далее подр. см. 7].

Следует отметить, что система исламского наследственного права, в рамках которого действовал институт наследственного правопреемства, отличалась детализированностью и казуистическим регулированием ряда отношений, предусматривающих два порядка наследования: по завещанию и по закону. Более того, данные нормы действовали в течение долгого периода, вплоть до возникновения советского права на территории Таджикистана. Как считает Ф.Т.Тохиров, даже за период более полувекового колониального господства Российской империи в Средней Азии нормы мусульманского права и юридических адатов, относящихся к наследованию, действовали почти в полном объеме [8, с.23].

Бесспорно, что главным источником исламского права на территории исторического Таджикистана досоветского периода был Коран. По словам К.Маркса, «...для восточных государств и их правителей Коран считался и религиозным источником, и законом» [4, с.168]. Действовали и другие источники права, такие как сунна, иджма, кияс¹.

Более того, как отмечает Д.М.Зоиров, «в государствах Средней Азии мусульманское право было наиболее устойчивым, так как развивалось не путем отмены старых норм и принятия новых, а путем толкования источников шариата» [2, с.124-125], среди которых, одно из важных мест принадлежит работе великого факиха (ученого-правоведа – Алимова Дж.С.) Мавераннахра Бурхануддина Маргинани «Хидоя фи фуру ал-фикх»

¹ Остроумов Н.П. в своей книге «Исламоведение» приводит перечень 38 произведений, которые были очень распространены среди казиев и муфтиев Средней Азии [5, с.9-18].

(«Хидоя. Комментарии мусульманского права»¹), которая, без преувеличения, использовалась в правоприменительной деятельности, вплоть до установления советской власти на территории Таджикистана [более подр. см. 6].

В рамках данной статьи мы не имеем возможность более конкретно рассмотреть вопросы наследственного правопреемства согласно Хидое. Изложим лишь некоторые наиболее интересные моменты.

Во-первых, согласно Хидое, термин «васайя» есть множественное число слова «васиат». Васиат означает наделение правом собственности на какую-либо вещь после смерти, т.е. наследование. Последнее состоит из следующих элементов: предоставляемая вещь (муз бих), иными словами наследство; наследодатель, или завещатель (мауси), т.е. лицо, предоставляющее в наследство вещь; наследник (музи лег), т.е. лицо, в пользу которого наследственная вещь предоставлена; легатарий, или душеприказчик (васи), т.е. лицо, назначенное для приведения наследственного распоряжения в исполнение.

Во-вторых, особенностью исламского наследственного права вообще является то, что у родителей отсутствует право на ограничение числа наследников. Данная характерная черта присуща и Хидое. Поэтому Книга о завещании, или посмертных распоряжениях, начинается с рассмотрения именно данного вопроса, ставя его по важности на первое место.

Очень интересно, что наследодатель не может оставить все свое наследство только одному наследнику, отказывая другим, если у него их несколько. Таким образом, по Хидое, отказ в пользу части наследников является недействителен. Данный вывод аргументируется словами Пророка о том, что такой отказ «разрывает родственные связи», что может идти вразрез с кораническими установлениями об обязанности поддержки родственных связей для мусульман.

Очень позитивным, как мы думаем, является положение Хидои о том, что отказ в пользу лица, от которого завещатель получил смертельную рану, недействителен. Такое же последствие предусмотрено и в отношении легатария, убившего завещателя. При этом не имело значение, была рана нанесена намеренно или по несчастной случайности, так как лицо, нанесшее рану, ускорило смерть завещателя.

В-третьих, отказ не должен превышать одну треть имущества завещателя, в противном случае такой отказ недействителен, так как, согласно преданиям, лучше, если завещатель оставит своих наследников богатыми, чем в положении бедности. Вообще, согласно Хидое, было похвально не делать отказов, когда наследники бедны. Данный вывод был сделан на основании следующего положения Корана: «Оказание благодеяний родственникам более похвально, чем в отношении посторонних».

В-четвертых, отказ более одной трети имущества завещателя становится законным, если на то дадут свое согласие после смерти завещателя наследники, достигшие совершеннолетия. Более того, отказ в пользу наследника недействителен, если не подтвержден другими наследниками, и т.д.

В-пятых, в Хидое рассмотрен случай, когда завещатель назначает разных душеприказчиков в разное время. Очень интересно, что каждый из них имеет право исполнять обязанности своего назначения самостоятельно, не советуясь с другим душеприказчиком и т.д.

¹ «Хидая» является фундаментальным произведением, в котором обстоятельно анализируется (толкуется) мусульманское право. Написано в XII веке [9].

Как отмечает Р.Ш. Сотиволдиев, «несмотря на то, что нормы исламского права были определены полностью в X в., однако они способны приспособляться к новым жизненным условиям» [3, с.94-95]. Отсюда и длительное действие норм исламского права в течение от VII в. до советского периода на территории Средней Азии, что, как мы считаем, является уникальным случаем. В целом, как видно из содержания Хидои, она призвана была охранять и укреплять частную собственность, поэтому богословы Средней Азии, в целях сохранения справедливости, стремились не выходить за рамки вышеуказанной программы.

По словам академика Ф.Т.Тохирова, на территории досоветского Таджикистана обычное право также имело большое значение в вопросах наследования. Ссылаясь на некоторые работы советских этнографов, ученый отмечает, что в некоторых южных районах Таджикистана, а также на Памире наследство между детьми от нескольких жен делилось поровну не с учетом количества детей, а с учетом наличия ребенка в семье, т.е. если у одной жены был всего лишь один ребенок, а у другой двое и более детей, то, несмотря на это, наследство между семьями делилось в равных долях. Конечно же, некоторые обычаи народов Средней Азии (особенно в горных районах) шли вразрез с установлениями исламского права, однако, несмотря на старание представителей религии, некоторые из них не были искоренены [8, с.53].

Таким образом, можно выделить одну из особенностей развития института наследственного правопреемства досоветского периода: смена различных правовых систем на территории Таджикистана не помешала полному искоренению их в целом.

Литература

1. Бурiev И.Б. История государства и права Таджикистана. Ч.1. – Душанбе: ГУП «Душанбинский полиграфический комбинат», 2013. – 250 с. (на тадж. яз.).
2. Зоиров Д.М. Таджики: от государства Саманидов до суверенной государственности: историко-правовой анализ. – СПб: Реноме, 2014. – 150 с.
3. Исмоилов Ш.М., Сотиволдиев Р.Ш. Теория права и государства: учебник для студ. юрид. и экон. ф-тов. – Душанбе: Деваштич, 2008. – 297 с. (на тадж. яз.).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Объявление войны – к истории возникновения восточного вопроса // Соч. Т.10. – 340 с.
5. Остроумов Н.П. Исламоведение. – Ташкент, 1912. – 457 с.
6. Саидов З.А. Действие норм шариата в Бухарском эмирате (1868 – 1920 гг.). – Душанбе: Ирфон, 2014. – 176 с.; Усмонов О. Гражданское право дореволюционного Таджикистана. – Душанбе, 1972. – 320 с.
7. Сафаров И.Д. Правовая система государства Саманидов (IX-X вв.): дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сафаров Иномджон Давронджонович. – Душанбе, 1998. – 320 с.
8. Тохиров Ф.Т. Становление советского права в Таджикистане. – Душанбе: Ирфон, 1994. – 230 с.
9. Хидоя. Комментарии мусульманского права: в 2 ч. Ч.2, III-IV / пер. с англ.; под ред. Н.И.Гродекова; отв. ред., авт. предисл., вступ. ст. и науч. комм. проф. А.Х.Саидова. – М.: ВолтерсКлувер, 2010. – 520 с.
10. Холиков А.Г. Правовая система зороастризма (древнее право). – Душанбе: Маориф ва фарханг, 2005. – 280 с.

**TO THE QUESTION OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE
OF HEREDITARY SUCCESSION IN TAJIKISTAN
(pre-soviet period)**

Alimov Jahongir Surobshoevich

Lecturer of chair of civil law
Russian-Tajik (Slavonic) university
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992 37) 227 67 40

In the article one of the features of the development of the institute of the hereditary succession in the pre-Soviet period is considered, as well as the change of the different legal systems in the territory of Tajikistan.

Key words: Central Asia; Tajikistan; Islamic inheritance law; succession; Hidoya.

УДК 347.214

**ПОНЯТИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА
КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

Амонов Диловар Рахматуллоевич

Соискатель кафедры гражданского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
Ул. М. Турсунзаде 30, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан
Тел.: (+992 37) 224 62 22
dilovar@amonov.com

В статье речь идет о понятии и особенностях недвижимого имущества как объекта гражданского права, приводятся различные мнения ученых, исследователей и практиков по данному вопросу и рассматриваются классификация недвижимости, этапы введения понятия в законодательство.

Ключевые слова: недвижимое имущество; правовое регулирование; право собственности; недвижимость.

Согласно ст. 128 ГК РФ, духовные и материальные блага являются объектами гражданских прав, на основании которых субъекты гражданского права вступают друг с другом в правовые взаимоотношения. Круг этих объектов достаточно широк и разнообразен. К таким объектам гражданских прав причисляют деньги и ценные бумаги предприятий и организаций, объекты недвижимости и имущество, профессиональную деятельность и сферу услуг, интеллектуальную собственность, коммерческую и другую информацию (в том числе исключительное право на владение ею), нематериальные ценности [4, с. 128].

По мнению правоведов, начало деления имущества на движимое и недвижимое начинается в римском праве, откуда оно плавно перетекло практически во все международные правовые институты. Это деление неразрывно связано с частным владением объектами природных ресурсов, в особенности земельных участков, с введением их в гражданский оборот, и развитием этого процесса [4, с. 31].

Понятие недвижимого имущества было введено в обиход российской юриспруденции в начале XVIII века. Данный термин впервые упоминается в 1714 году в Указе царя Петра I «О единонаследии». Однако в Своде законов империи, который действовал до Октябрьской революции 1917 года, четкого определения этой категории не существовало: к недвижимому имуществу относились и земельные угодья, и дома. В пришедшем ему на смену советском гражданском праве категория недвижимости не имела определения. Основанием для этого считалось специальное примечание к ст. 21 ГК РСФСР редакции 1922 года, в котором было сказано, что с «с отменой частной собственности на землю деление имуществ на движимые и недвижимые упразднено». Единственным и законным собственником земельных угодий в СССР являлось государство, поэтому земля не могла быть объектом купли-продажи, и была исключена из «частного оборота».

Разделение имущества как правового объекта на категории недвижимого и движимого было возобновлено в Основах гражданского законодательства. В п.2 ст.4 данного документа было дано определение недвижимого имущества как земельного участка в сочетании со всем, что с ним неразрывно связано и является недвижимостью по своей природе. В этот перечень, неразрывно связанный с землёй, который не являлся исчерпывающим, вошли дома, сооружения, заводы и предприятия, любые имущественные комплексные постройки, многолетние садовые и парковые насаждения деревьев и кустов. Таким образом, основой для разграничения имущества на две категории – движимое и недвижимое – был привычный для российского правового поля критерий свойств вещи, как природных, так и физических, которые заключались в её способности или неспособности перемещаться в пространстве, в прочности связи с землёй. Данное свойство в Основах гражданского законодательства является основополагающим, но не единственным критерием. Этот документ также содержал правило, исходя из которого к недвижимости можно было отнести по формальному юридическому критерию и другое имущество, определить которое как недвижимое можно было лишь на основании законодательных актов. В данном случае имущество получало правовой статус недвижимого лишь в силу закона. Следует отметить, что на практике данные законодательные акты в период действия Основ гражданского законодательства не были приняты, таким образом, данное правило осталось лишь теоретической возможностью.

Следом за появлением такого юридического термина, как недвижимое имущество, появляются такие правовые термины, как «недвижимость в градостроительстве» и «недвижимость в жилищной сфере», которые были введены в обращение на основании специальных законодательных актов. Под данные термины подходил четко определённый перечень объектов, благодаря чему эти категории отличались от общего понятия недвижимого имущества большей конкретизацией сфер деятельности и отдельных объектов [4, с.33].

В современном российском правовом поле классифицирование вещей как объектов, имеющих гражданские права, основано на фундаментальном разделении их признаков как объектов движимых и недвижимых. При этом следует учитывать, что в законодательных документах для обозначения недвижимых объектов используют такие понятия, как «недвижимость», «недвижимое имущество», «недвижимая вещь», в качестве синонимов, что с юридической точки зрения не является абсолютно верным [3, с.86]. Так, известный профессор-цивилист В.А.Лапач в своих трудах указывает, что «в качестве исходного (простейшего) закон использует понятие недвижимой вещи как единичного недвижимого или указанного в законе движимого материального объекта, либо совокупности разнородных недвижимых вещей, образующей единое целое, предполагающее использование их по общему назначению – «сложная вещь» по ст.134 ГК» [5, с.272].

Безусловно, вещи являются наиболее распространёнными объектами гражданского права, благодаря чему множество правовых взаимоотношений между субъектами связано с ними.

В законодательстве правовой статус вещи могут получить только те материальные ценности и блага, которые обладают полезными характеристиками и свойствами, имеющими ценность среди людей. Научный подход гражданского права понимает под вещь те материальные ценности, которые создал человек или природа, благодаря чему они могут быть наделены статусом объектов гражданских прав.

Таким образом, в Основах гражданского законодательства и ГК РФ подход к понятию имущества существенно различался. Как уже было сказано выше, в первом законодательном документе оперировали правовой категорией недвижимого имущества, в то

время как в ГК РФ при рассмотрении классификации имущества на движимое и недвижимое появляется юридическое понятие «вещь». В Гражданском кодексе Российской Федерации определение имущества имеет четкие границы, которые указывают на то, что никакие иные виды имущества, включая также имущественные права, не могут относиться к недвижимости – ни в силу своих природных характеристик и свойств, ни благодаря законодательным актам.

Единственным исключением, допустимым с точки зрения этого определения, является такой сложный комплекс, как предприятие, который законодательно приравнен к недвижимости (ст. 132 ГК РФ). С позиции законодательства, предприятие наделено статусом особого объекта с чисто формальной точки зрения – оно не упоминается в ст.130 ГК РФ, где дано определение недвижимости, но упоминается в ст.132 ГК РФ, которая расположена после статей о недвижимом имуществе. С другой точки зрения, предприятие нельзя отнести к категории вещей, пусть и очень сложных, поскольку оно является тем объектом, который не вписывается в классификацию движимых и недвижимых вещей и занимает исключительное место. Исходя из этого подхода, мнение профессора В.А.Лапача выглядит как абсолютно обоснованное: «От сложных вещей следует отличать комплексы как системы более высокого порядка, характеризующиеся не столько общим назначением входящих в них объектов, сколько определённым в законе составом имущества, образующего комплекс, а также функциональной взаимосвязью и иерархической организацией элементов внутри комплекса. В состав комплекса наряду с недвижимыми вещами могут входить и объекты гражданских прав, являющиеся движимыми вещами либо даже вообще не являющиеся вещами...» [5, с.261].

Предприятие, которое является сложным с точки зрения законодательной базы объектом, на основании ст.132 ГК РФ введено в гражданский оборот как единый объект. В состав этого объекта включены как весь комплекс его имущества, куда входят права, требования и вещи, так и комплекс его права владения такими нематериальными ценностями, как знаки обслуживания предприятия и его торговая марка, используемая для маркировки выпускаемой им продукции, оказываемые им услуги, а также его долги – «отрицательная стоимость», которая является результатом его трудовой деятельности. Таким образом, Гражданский кодекс Российской Федерации, признав за предприятием статус недвижимости, не предписывает ему подчиняться всем тем стандартным для других объектов недвижимости требованиям и правилам, указанным в законе, а предоставляет ему целый ряд особых, специальных правил, которые, однако, нельзя назвать привилегиями. Исходя из них, сделки, совершаемые с предприятиями, должны проводиться более строго и более формально, чем, если бы речь шла о каком-либо другом объекте недвижимости. С точки зрения государственной регистрации любое предприятие является настолько сложным объектом, что законодательство предусматривает кроме регистрации прав на него еще отдельные акты регистрации прав на владение земельными участками, а также другими объектами недвижимого имущества, которые являются его частью.

Исходя из всего вышеизложенного, следует отметить, что понятие «недвижимое имущество» в современном законодательстве стало более расширенным и объёмным – наблюдается экспансия данного термина. Понятие «недвижимая вещь», которое определено в ГК РФ, претерпевает вытеснение из употребления в правовом поле. Примером этого может служить Закон о государственной регистрации прав на недвижимое имущество, где речь идет о недвижимости (недвижимом имуществе), но никак не о регистрации недвижимых вещей. Данная ситуация вполне логична и обоснована, поскольку термин «имущество» в гораздо большей степени отражает правоотношения, которые бази-

руются на моментах гражданско-правового регулирования, и являются по сути документальным подтверждением принадлежности вещей разным субъектам. Следует отметить, что такие термины, как «недвижимое имущество» и «недвижимость», которые часто употребляют как синонимичные, требуют чёткого и последовательного разграничения, поскольку не являются тождественными. Понятие «недвижимости» в законодательстве употребляется в двух разных смыслах. В первом варианте оно является обобщающим названием для любых недвижимых вещей, которые требуют регистрации права собственности и других возможных на них прав, а также их возникновения и ограничения, правовые моменты смены владельца или прекращения их действия, что указано в ст.131 ГК. Во втором случае «под недвижимостью понимаются комплексы, специально указанные в законе: кондоминиум и предприятие как имущественный комплекс» [9, с.86].

В действующем гражданском законодательстве России в определении термина «недвижимость» пользуются теми же критериями, что и в основах гражданского законодательства. Их два: неразрывная связь с местом положения и невозможность его смены без нанесения ущерба объекту – недвижимость по природе, а также отнесения к этой категории объекта на основании законодательных актов – недвижимость в силу закона.

Во время выработки такого законодательного понятия, как недвижимость, учитывался не только отечественный опыт, но и подход к этому вопросу в зарубежных странах. Многие из них в своих законах ориентировались на тройную классификацию недвижимостей, в частности стоит вспомнить гражданские кодексы Бразилии 1916 г., Мексики 1928 г., французский гражданский кодекс, однако данный опыт не был использован при создании ГК РФ. В Гражданском кодексе России не нашел отражения такой элемент зарубежной классификации, как недвижимость в силу назначения. Под этим термином понимают как движимое имущество, которое в силу определённых причин присоединилось к недвижимому и стало его частью, так и те предметы, которые появились на участке как вспомогательные – для его обслуживания и эксплуатации [10, с.122].

В действующем ГК РФ термин «недвижимость» расширил свои границы, присоединив к земельным участкам водные объекты и участки недр. Данные объекты были названы недвижимостью в силу своих природных характеристик и свойств, но не вещами, которые являются частью земельного участка и являются с ним единым целым. В ином случае было бы невозможно законодательно установить отдельное право собственности на недра земли, которое не связано с владением земельным участком.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во «Эксмо», 2016. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs/>
3. Гражданско-правовые документы для оформления сделок с недвижимостью / под общ.ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 2000. – 86 с.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. А.П.Сергеев, Ю.К.Толстой. – М., 1998.
5. Гришаев С.П. Все о недвижимости (регистрация прав, купля-продажа, мена, дарение, аренда, наем жилого помещения, ипотека, наследование): учеб.-практ. пособие. – М.: Изд-во «БЕК», 2001. – 259 с.
6. Жариков Ю.Г., Масевич М.Г. Недвижимое имущество: правовое регулирование – М., 1997. – 252 с.
7. Земельный кодекс Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

8. Калачаева С.А. Сделки с недвижимостью. – М.: Изд: «ПРИОР», 2000. – 160 с.
9. Калинин Н.И. Комментарий к Земельному кодексу РФ. – М.: Изд-во “Юрайт”, 2002. – 144с.
10. Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. – М., 2000. – 303с.

CONCEPT OF REAL ESTATE AS AN OBJECT OF CIVIL LAW

Amonov Dilovar Rakhmatulloyevich

Candidate for a degree of chair of civil law
Russian-Tajik (Slavonic) university
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992 37) 224 62 22
dilovar@amonov.com

The article deals with the concept and characteristics of real estate as an object of civil rights; different views of famous scientists, researchers and experts on the issue are given, and the classification of real estate, as well as the steps of introducing the concept in law is considered.

Key words: real estate; legal regulation; ownership of real estate.

УДК 340.12

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В УЧЕНИИ АЛЬ-ФАРАБИ

Гадоев Абубакр Хайдарович

Соискатель кафедры прав человека и сравнительного правоведения
Таджикский национальный университет
Пр. Рудаки 17, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан
Тел.: (+992) 900 81 11 88 (м.)

В статье рассматривается содержание понятий справедливость, право, закон в учении Фараби и его идейных предшественников – Аристотеля и Платона. Дается общее представление об эволюции понятия социальная справедливость. Автор выражает солидарность с точкой зрения, согласно которой это понятие имеет конкретно-исторический характер.

Ключевые слова: общество; государство; добродетельный город; справедливость; право; закон; социальная справедливость; социальная дифференциация; справедливое правление.

Фараби, будучи философом, наряду с сугубо философско-метафизическими вопросами, рассматривает и вопросы права, хотя и воспринимает право как юриспруденцию в рамках шариата. Он анализирует социально-политические законы общества вне юридической техники, так как его цель предполагает теоретическое осмысление правового вопроса, раскрывающее закономерности социальных отношений в политической сфере. На наш взгляд, Фараби осуществил попытку рационализировать социально-правовые нормы шариата, отдавая приоритет разуму перед верой. Именно рационализм стал методологической основой трансформации религиозных норм в правовые.

Анализируя вопрос о законах, в частности, в своем трактате «Краткое изложение Законов Платона», Фараби подразумевает традиции и религиозные законоустановления. Что касается законов Платона, то Фараби имеет в виду правовые, этические, социально-культурные нормы, регулирующие правила поведения человека в обществе, через призму интересов и потребностей. Законы необходимы во имя координации действий каждого члена общества, движущей силой и мотивирующим фактором которых являются личные потребности, интересы, выгода, эгоизм и т.д., с целью достижения определенных результатов и обеспечения мирного, гармоничного сосуществования людей в обществе. Именно законы придают действиям человека рациональность и целеполагание.

В своем учении о добродетельном городе Фараби развивает мысль Платона о том, что справедливость по праву должна преобладать, быть основным, высшим принципом и критерием развития общества. У Фараби право и справедливость связаны, и поэтому справедливость предстает не только как этическая, духовная категория, но и как правовая, необходимая норма социально-политических отношений. Именно благодаря справедливости как одной из основных форм добродетели формируются законы и право и становится возможным создать справедливое общество, в котором совершенный правитель и такие же совершенные подданные представляются нам прообразом правового

государства и гражданского общества где за образом справедливого, объективного правителя видится закон, а повиновение ему есть повиновение закону как результат развития правовой культуры.

Закон у Фараби, как было отмечено ранее, помимо добродетели, тесно связан с категорией справедливости, которую он в «Афоризмах государственного деятеля» определяет следующим образом: «Справедливость – это, прежде всего, распределение общих благ, которыми наделяются все жители города, и затем сохранение того, что распределено между ними. Этими благами являются благополучие, богатство, почести, положение и прочие блага, которым они могут быть сопричастны. Ибо каждый из горожан имеет долю этих благ, равную его заслугам, так что когда их у него меньше или больше, то это несправедливость: когда меньше – несправедливость по отношению к нему, а когда больше – несправедливость по отношению к жителям города; но если их у него и меньше – это тоже может быть несправедливостью по отношению к горожанам» [1, с.224].

Более того, мыслитель утверждает, что наказание зла есть справедливость, и это еще раз подтверждает идею о том, что в основе как правовых, так и этических норм и законов лежит справедливость как основной принцип их формирования: «При многих запретах необходимы наказания и взыскания. Наказания и взыскания должны быть определены так, чтобы каждая несправедливость могла получить соответствующее наказание. Когда совершающий несправедливость получает равную долю ответного зла, то это справедливо, если больше – это несправедливо по отношению к нему лично...» [1, с.226].

Более того, справедливостью соизмеряются все действия и любая деятельность как отдельного индивида, так и правителя и государства в целом. Говоря, к примеру, о войнах, Фараби классифицирует их на справедливые и несправедливые, а о целях войны говорит: «одна – это приобретение блага для города, а вторая – необходимость проявить правосудие и справедливость» [1, с.230].

Рассуждая о добродетельном городе, Фараби опирается на идеальное государство Платона, основным принципом которого является справедливость. Однако ни у Платона, ни у Фараби это понятие не означает «равенство», как можно было бы предположить исходя из современного понимания этого вопроса. Наоборот, оно подразумевает строгую дифференциацию общества. Справедливость, согласно Платону, «состоит в том, что каждому гражданину государства отводится какое-нибудь особое занятие и особое положение. Там, где это достигнуто, государство сплавливает разнообразные и даже разнородные части в целое, запечатленное единством и гармонией» [4, с.594]. Это «единство» государства позже критиковал Аристотель: «Государство не может быть по своей природе до такой степени единым, как того требуют некоторые» [3, с.4055]. Принцип справедливости предполагал разделение государства на сословия исходя из нравственного и хозяйственного фактора, т.е. разделение людей исходя из их нравственных задатков и по разделению хозяйственного труда.

Описывая устройство общества и города, Аль-Фараби не акцентировал внимание на понятии права. Хотя Аристотель, преемником взглядов которого, наряду с Платоном, был аль-Фараби, подробно рассмотрел этот вопрос в своей «Политике». Он отметил, что в государственном устройстве существуют три основные части, которые составляют основу каждого государства. Это – законосовещательный орган, должности и судебные органы [3, с.514-515]. Кроме того, исходя из этого, Аристотель выводит понятие гражданина: «Лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через его участие в суде и власти...Гражданином, по преимуществу, является тот, кто обладает совокупностью гражданских прав» [3, с.445]. Гражданин – это частица политической

общности. Граждан Аристотель называл свободными людьми, но свободу он понимал как противоположность рабству. Граждане занимаются военными, судебными и законодательными делами, а сельское хозяйство и промышленное производство это удел рабов. Граждане могут иметь частную собственность, но пользоваться ею, согласно Аристотелю, следует сообща, так как неравенство становится причиной возмущений и переворотов. Фараби же в своем трактате «О взглядах жителей добродетельного города» более всего уделяет внимание свойствам душ людей, их способностям и предрасположенностям, их индивидуально-внутреннему миру, нравственным аспектам и т.д., что придает экзистенциальный характер его гражданской философии.

Основными чертами, которыми должно обладать идеальное государство, - это обладание средствами защиты; способностью обеспечивать всех членов общества необходимыми для жизни материальными благами; руководство развитием духовной деятельности. Выполнение этих задач означает осуществление идеи блага как высшей идеи, стоящей над миром и реализующей справедливость.

Кроме того, идеальное государство, по Платону, впрочем, и по Фараби, обладает четырьмя главными добродетелями – мудростью, мужеством, рассудительностью, справедливостью. Мудростью и мужеством в идеальном государстве обладает небольшое количество граждан, соответственно философы и воины, рассудительность же – качество не особого класса, ею обладают все члены идеального государства. Она проявляется в признании членами государства закона и существующего правительства. Рассудительность приводит к гармоническому согласованию лучших сторон человека и обуздывает худшие. Четвертая добродетель – справедливость обусловлена рассудительностью. Благодаря справедливости каждый член государства получает для осуществления одно дело, исходя из своих способностей.

В «Гражданской политике» аль-Фараби подробно характеризует виды невежественных городов, но, на наш взгляд, особый интерес вызывает «коллективный город»: «Это такой город, каждый житель которого полностью волен делать то, что пожелает. Его жители равны. Их законы абсолютно не отдают предпочтения одному человеку перед другим...» [2, с.156]. Идея о том, что в каком-то государстве, пусть даже в невежественном, люди могут быть равны перед законом, являлась достаточно необычной как в эпоху аль-Фараби, так и после него. Если идея равенства людей перед богом была известна с возникновением христианства, то высказанную Фараби идею о равенстве людей перед законом можно считать неким шагом вперед в развитии историко-правовой мысли и формировании политико-правового сознания. Более того, Фараби продолжает: «Его обитатели (коллективного города) не имеют никаких [отношений] к своим главам, управляющим ими, ибо [его обитатели] сами назначают их своими главами, и те, кто ими руководит, делает это только по воле подчиненных». Согласно сказанному, в коллективном городе жители сами избирают себе главу, при этом «ни один [из жителей] не более достоин руководить, чем другой». Следовательно, для того, чтобы стать главой этого города необязательно быть царственной особой, аристократом или мудрецом. Достаточно «представлять жителям города свободу», «удовлетворять их желания и прихоти», «охранять им эту свободу и удовлетворять их разнообразные желания по отношению друг к другу и к их внешним врагам» и «ограничиваться в своих желаниях только предметами необходимости», «не брать ничего в свою пользу» [2, с.156-157]. Однако Фараби высказывает отрицательное отношение к этому: «Их руководители [подчиняются] воле подчиненных, а поскольку последние не подчиняются их приказу, то [в этих городах] нет в действительности ни руководителя, ни подчиненного» [2, с.156]. Но, с другой стороны, согласно Фараби, «такой город является [самым] восхитительным и

счастливым из невежественных городов и своим внешним видом напоминает цветастое и красочное одеяние и в силу этого оказывается любимым кровом каждого, ибо любой человек в этом городе может удовлетворить свои желания и устремления. Поэтому-то народ стекается [в этот город] и оседает там» [2, с.158]. Здесь живут люди с различными нравами и обычаями, что, как следствие, приводит к взаимовлиянию и взаимодействию, и Фараби, подмечая это, пишет: «Этот город состоит из многообразных, входящих друг в друга объединений с отличными друг от друга частями, в которых чужеземец не выделяется из местного населения... Поэтому очень возможно, что с течением времени в нем могут вырасти самые достойные [люди]» [2, с.158]. И именно у этого города больше шансов приблизиться к добродетельному, чем у других видов невежественных городов: «От него могут отходить части к добродетельному городу, которые возникли в этом городе» [2, с.158].

На основе вышеприведенного можно заключить, что именно в этом описании коллективного города мыслитель предвосхитил принципы демократизма и либерализма и отошел от сложившегося стереотипного понимания справедливости как соблюдения строгой дифференциации и иерархии в обществе.

В своем учении о политическом руководителе Фараби также исходит из принципа справедливости как основы законности и правовых отношений. Прежде всего правитель должен уяснить цели своего правления, на достижение и реализацию которой направлено его правление и руководство: «Истинным правителем является тот, кто в искусстве, посредством которого он управляет городами, ставит целью и предметом стремления создание для себя и остальных горожан подлинного счастья, которое является пределом и целью искусства правления» [2, с.198]. Целью правления не может быть величие, почести и господство, хотя некоторые правители добиваются именно этого, считая, что они достойны почитания благодаря своему богатству либо происхождению. Некоторые правители добиваются этого «путем насилия над жителями города, покорения их, унижения и запугивания» [2, с.199].

Целью правления не может быть и богатство. Хотя некоторые главы «превращают законы [издаваемые] для горожан в такие, с помощью которых могут добиться богатства от горожан» [2, с.199]. На наш взгляд, это весьма тонкое замечание демонстрирует невозможность разделения понятий справедливость и закон, ибо законы формируются на основе справедливости и в свою очередь соблюдение закона – есть справедливость. В законе видится некая воля, правильность, благо которой неоспоримо – если закон есть, его необходимо во что бы то ни стало исполнять, но это вовсе не значит, что закон не должен быть совершенным. Фараби, развивая мысль своих предшественников, утверждает, что люди будут законопослушными, если законы будут совершенными и будут основываться на ценностях добродетели.

Целью управления не может быть и получение удовольствий. Однако есть и такие, кто считает, что цель управления заключается во всех трех вещах вместе взятых – в почестях, богатстве и удовольствиях, и они превращают жителей городов в орудия для приобретения удовольствия и богатств [2, с.200]. Поэтому, согласно Фараби, эти недозволенные цели – почести, богатство и удовольствия – не должны преследоваться правителем.

Индивиды в добродетельных городах подразделяются на множество видов. Среди них есть такие, которые не стремятся к искажениям, но из-за плохого понимания законодателя и из-за недостаточного постижения его высказываний они понимают законы города не так, как их толкует законодатель, и действия этих людей не соответствуют целям первого главы.

Несомненно, вопрос о социальной справедливости в истории социальной и правовой мысли поднимался неоднократно как категориально, так и в социально-практических, нравственных аспектах, включающих в себя проблемы равенства, права, добродетелей, причем количество концепций социальной справедливости было гораздо больше, чем попыток их анализа и сопоставления.

Содержание понятия «социальная справедливость» имеет конкретно исторический характер и во многом зависит от формирующихся потребностей и требований эпохи; этим обусловлена различная трактовка этого понятия в истории общественной мысли. Важнейшим источником социальных чувств человека, в том числе и справедливости, является общественный труд.

В доклассовых сообществах первичная функция социальной справедливости выражалась, прежде всего, в уравнивании всех его членов. Это означало, что все члены рода или племени получали равную долю совместно добытого на охоте или собранного в лесу. Уравнительная функция социальной справедливости позволяла первобытному человеку выжить в условиях дефицита средств существования. Если бы средства делились иначе, племя просто бы вымерло.

С началом процесса разделения труда на земледелие и скотоводство, с появлением прибавочного продукта и как следствие – социальной дифференциацией, уравнительная система социальной справедливости постепенно вытесняется в экономической жизни распределительной системой, которая проникает во все сферы общества. Распределение благ согласно труду, сословно-классовой, кастовой и племенной принадлежности становится мощным двигателем развития общества и культуры. Возникновение распределительной системы социальной справедливости, в свою очередь, способствует появлению социальной несправедливости, поскольку произведенный трудом прибавочный продукт теперь может быть отнят. И поэтому, как было сказано выше, происходит формирование социальной дифференциации.

В дальнейшем, с возникновением основ государственности, появляются писанные законы, правовые основы, закрепляющие сложившееся положение вещей и претендующее на выражение полного и истинного содержания социальной справедливости. Тем не менее, вопросы правового уравнивания и распределения еще долго существовали в рамках традиций.

Вопросы социальной справедливости и её сущности рассматривались многими мыслителями. Выше мы уже говорили о том, что ещё Платон и Аристотель размышляли о справедливом обществе, рассматривая при этом различные типы государственного устройства и осуществляя поиск лучших форм правления. Мыслители античности в своих концепциях опираются на признание неравенства как основы принципа социальной справедливости. То есть для них в понимании социальной справедливости отсутствует элемент уравнивания разных социальных групп. Социальная справедливость, по их утверждению, существующая в виде социальной иерархии, определена волей богов, и сословия функционируют согласно нерушимому порядку, действующему по принципу «равенство для равных, неравенство для неравных».

Понятие социальной справедливости в условиях средневековья получило своеобразное звучание в творчестве восточного мыслителя аль-Фараби. Идея социальной справедливости охватывает все сферы общественной жизни, представляется в контексте его учения о совершенной социальной организации «добродетельного города», ибо она как всеобщее благо в этом «городе» может быть реализована лишь при определенных социальных условиях, при определенной организации общества.

Специалист в области истории арабо-мусульманской философии А.С.Смирнов заключает, что социальная справедливость в ней рассматривалась как одна из таких ценностей, которая, вероятно, могла бы оказаться общей, социальная функция которой во многом сводилась к поддержанию гармоничности, представленной в виде социальной иерархии, беспрекословного подчинения установленным правилам.

В западной философии божественный порядок так же оказывается высшей целесообразностью и благом, абсолютной нормой всего, что должно быть, т.е. внешней принудительной по отношению к отдельному индивиду силой, грехи или добродетели которого предопределены заранее. Следовательно, отдельный индивид – не цель в себе или для себя, а только средство в осуществлении божественного порядка.

В философских представлениях Нового времени категории справедливости и несправедливости рассматриваются преимущественно как правовые понятия. В них наблюдается попытка дать анализ понятия социальной справедливости на основе совмещения теории естественного права и крайнего субъективизма при анализе моральной стороны данного понятия. С одной стороны, справедливость авторы выводят из принципов естественного права, а с другой – приписывают ей трансцендентальный характер и на этом основании утверждают, что социальная справедливость никогда не может быть достигнута, ибо это выходит за пределы человеческих возможностей.

Литература

1. Аль-Фараби. Афоризмы государственного деятеля // Социально-этические трактаты. – Алма-Ата, 1978. – С.220-235.
2. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты / пер.с араб. яз. – Алма-Ата, 1973. – 436 с.
3. Аристотель. Соч.– М., 1983. – Т.4. – 830 с.
4. Платон. Сочинения. –М.: Мысли, 1971. – Т.3, ч.1. – 687 с.

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF JUSTICE THE THEORY OF AL-FARABI

Gadoev Abubakr Khaydarovich

Candidate for a degree of chair of human rights and comparative law
Tajik national university
Rudaki ave.17, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992) 900 81 11 88 (m.)

The article deals with the considering the content of the concepts of justice, right, law in the theory of Farabi and his ideological predecessors – Aristotle and Plato. A common overview of the evolution of the concept of social justice is given. The author expresses his solidarity with the point of view that this concept has a specific historical character.

Key words: society; state; virtuous city; justice; right; law; social justice; social differentiation; just rule.

УДК 347.235

**ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ КАК
ОБЪЕКТАМИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

Сидыкова Нодиры Насруллаевна

Соискатель отдела частного права
Институт философии, политологии и права АН Республики Таджикистан
имени А.М.Баховатдинова
Пр.Рудаки 33, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан
Тел.: (+992 37) 221 77 96
debtresolution@mail.ru

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с правом пользования земельными участками сельскохозяйственного назначения. Исследованы вопросы гражданского правоотношения относительно прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения.

Ключевые слова: земельный участок; гражданское правоотношение; субъективные права и обязанности.

В теории гражданского права не сложилось единого понимания гражданских правоотношений, а дискуссия об их сущности продолжается и сегодня [2, с.49].

Гражданское правоотношение нередко рассматривается исследователями с точки зрения своего значения и юридической природы. При этом гражданское правоотношение воспринимается правоведами со следующих позиций: как отношение особого структурного типа [1, с.67]; как урегулированное нормой права общественное отношение [12, с.473, 481], т.е. реальное поведение участников гражданского правоотношения; как результат реализации норм права в жизни общества [7, с.24]; с точки зрения взаимодействия субъектов гражданского правоотношения, протекающего в установленной форме, предписанной нормой объективного права [3, с.21]; с позиции состава или структуры правоотношения, элементами которого являются участники регулируемых отношений, субъективные права и субъективные обязанности, а также объекты гражданского права.

Е.А.Суханов стоит на позиции понимания того, что гражданское правоотношение – это юридическая связь равных, имущественно и организационно обособленных субъектов имущественных и личных неимущественных отношений, выражающаяся в наличии у них субъективных прав и обязанностей, обеспеченных возможностью применения к их нарушителям государственно-принудительных мер имущественного характера [4, с.5].

Ю.К.Толстой полагает, что правоотношение не является результатом правового регулирования общественного отношения, а выступает соответствующим правовым средством воздействия на социальные отношения. «Правоотношение – это посредствующее звено между нормой права и теми общественными отношениями, которые составляют предмет правового регулирования» [15, с.32].

Как указано в одном из учебников по гражданскому праву, содержание гражданских правоотношений образует взаимодействие их участников, осуществляемое в соответствии с их субъективными правами и обязанностями [5, с.75].

Анализируя вышеприведенные мнения ученых, считаем возможным отметить, что гражданское правоотношение нельзя рассматривать лишь как нечто опосредующее норму права и общественные отношения. Также нельзя сводить понятие правоотношения только к взаимодействию участников, поскольку подобное сужение содержания правоотношения приведет к отрицанию воли субъектов и обеспеченности их прав возможностью применения мер принудительного характера от имени государства.

Гражданско-правовая квалификация права пользования на земельном участке стала возможной только после допущения в Земельный кодекс Республики Таджикистан купли-продажи права землепользования, и необходимой в связи с введением в действие иных законов, содержащих нормы, регулирующие отношения с правом пользования земельными участками как объектами гражданских прав.

Первым законом, где право пользования земельными участками прямо упоминалось как объект гражданских прав, стал Земельный кодекс Республики Таджикистан. Здесь уже наряду с понятием «земля», в частности, в ст.2¹, появляется понятие «земельный участок», понятие «право землепользования» и говорится о нем как об объекте гражданских прав. Далее о земельном участке как об объекте гражданских прав и, главное, объекте права собственности говорится в Законе от 20 марта 2008 года №375 «О государственной регистрации недвижимого имущества и прав на него».

Как указывает К.С.Митягин, «основываясь на буквальном толковании норм Гражданского кодекса, нельзя выявить у земельного участка также признак физической материальности. Земельный участок представляет собой ограниченное территориальными границами, а точнее замкнутой границей, проходящей по рельефу земной поверхности, пространство, которое не имеет материальной физической основы. Следовательно, с теоретической точки зрения, нет оснований относить земельный участок к категории вещей» [13, с.14].

Об этом же писал Г.Дернбург, отмечая, что некоторые вещи могут состоять из отдельных предметов (*corpusex distantibus*), которые с экономической точки зрения способны к объединению и участию в обороте в качестве до некоторой степени единого целого [6, с.248].

Как подчеркивает Т.В.Крамкова, признание земельных участков объектами гражданских прав требует выявления таких их признаков и свойств, которые характерны для всех объектов гражданских прав, а также тех особенностей, которые отличают земельные участки от других объектов [8, с.49].

Под дискретностью объектов гражданских прав В.А.Лапач понимает качественную, а также физическую и (или) учетную определенность и их обособленность от всех других объектов. В силу специфики земельных участков пространственное обособление (установление пространственных пределов, границ) чрезвычайно важно для формирования их как объектов права. «Юридической привязкой» объектов гражданских прав следует считать нормативно гарантированную возможность правового закрепления их за субъектами гражданского права, что позволяет отграничить природные объекты, в том числе землю, в их естественном состоянии от объектов в правовом смысле и обеспечивает регулирование перехода объектов из натурального состояния предметов в правовое состояние объектов субъективных прав [11, с.140].

Особенности права пользования земельными участками как объектами гражданских прав заключаются в том, что они являются недвижимым имуществом, причем недвижи-

мым по природе, а не в результате зависимости от чего-либо. Более того, право пользования земельным участком служит пространственным базисом для деятельности людей и размещения объектов материального мира, что в части правового регулирования выражается в необходимости государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Применительно к земельному участку это означает, в первую очередь, описание и удостоверение границ. Описание и удостоверение границ земель сельскохозяйственного назначения осуществляется в соответствии с законами о землеустройстве, согласно которым государственный кадастровый учет земельных участков – это описание и индивидуализация в Едином государственном реестре земельных участков, в результате чего каждый земельный участок получает такие характеристики, которые позволяют однозначно выделить его из других земельных участков и осуществить его качественную и экономическую оценку.

Указывая на индивидуализацию земельного участка на местности, можно отметить точки зрения ученых, допускающих существование абстрактных земельных участков [14, с.50]. Однако, на наш взгляд, право пользования земельными участками не могут быть не выделенными в натуре, так как это, как уже указывалось выше, является одним из признаков права пользования земельным участком как объектом гражданских прав. В противном случае мы будем иметь земельные доли, при условии, что будущий земельный участок – это часть земельного массива, находящегося в общем пользовании.

Таким образом, анализируя различные точки зрения на понятие и признаки права пользования земельным участком как объектом гражданских прав, мы пришли к выводу о его особом месте в системе таких объектов, обусловленном следующими обстоятельствами: принадлежность к недвижимому имуществу в силу естественных свойств, невозможность перемещения, наличие физической материальности, способность выступать в гражданском обороте, если иное не установлено в земельном законодательстве, установлении особой процедуры индивидуализации, наличие целевого назначения и разрешенного использования.

Итак, право пользования земельными участками занимает особое место в системе объектов гражданских прав. При этом правовое положение земельных участков, входящих в состав различных категорий земель, далеко не одинаково. Правовой режим земельных участков, в первую очередь, обусловлен их отношением к конкретным категориям земель. Суть принципа использования земель в соответствии с их основным целевым назначением заключается в том, что субъекты прав на земельный участок не вправе изменить целевое назначение земельного участка по своему усмотрению. Под целевым назначением следует понимать совокупность правил, определяющих основные направления использования земель: сельскохозяйственное производство, строительство, произрастание лесных насаждений, размещение водных объектов и т.д.

Не останавливаясь подробно на обозначении общих черт земельных участков различных категорий, уделите внимание отличительным чертам интересующей нас категории земель с тем, чтобы дать полную характеристику входящих в ее состав земельных участков как объектов гражданских правоотношений. Землями сельскохозяйственного назначения, согласно определению законодателя, признаются земли за чертой поселений, предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей.

Земли сельскохозяйственного назначения составляют самостоятельную категорию земель Республики Таджикистан и являются основным средством сельскохозяйственно-

го производства. От состояния этих земель, их плодородия и доходности зависит решение продовольственной проблемы в стране.

Законодательство, наряду с другими мерами государства, призвано обеспечить заинтересованность хозяйств в лучшем использовании сельскохозяйственных угодий с тем, чтобы не было пустующих, заброшенных земель.

Правовая классификация земель по отдельным категориям, закрепленная в ЗК РТ, имеет в своей основе единый признак – целевое назначение земель, которое, как указывает В.В.Петров, представляет собой "правовой, но не экономический критерий [6,с.141].

Субъекты права пользования земельными участками того или иного назначения, один и тот же земельный участок может переходить из состава одной категории земель в другую (земли сельскохозяйственного назначения могут быть изъяты для несельскохозяйственных целей и наоборот, земли несельскохозяйственного назначения в случаях необходимости могут быть предоставлены для сельскохозяйственного использования и т.д.) [9,с.25].

По мнению О.И.Крассова, землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, целевым назначением которых является их использование в сельскохозяйственном производстве. Это земли – предоставленные для нужд сельского хозяйства, т.е. земли, которые в настоящее время уже используются в сельском хозяйстве, и земли, предназначенные для данных целей [10, с.339].

Таким образом, под объектами гражданских прав следует понимать правовой режим материальных и нематериальных благ, на которые направлены субъективные права и обязанности участников гражданских правоотношений, совершающих по поводу этих благ юридически значимые действия. Земельный участок как объект гражданских прав занимает особое место в системе объектов в силу принадлежности к недвижимому имуществу из-за естественных свойств, невозможности перемещения, наличия физической материальности, способности выступать в гражданском обороте, если иное не установлено в земельном законодательстве, установления особой процедуры индивидуализации, наличия целевого назначения и разрешенного использования.

Особенности же правового режима земельных участков сельскохозяйственного назначения (в частности, сельскохозяйственных угодий) как объектов гражданских прав заключаются в том, что сельскохозяйственные угодья являются основным средством производства в сельском хозяйстве. Учитывая большое значение верхнего плодородного слоя для сельскохозяйственных угодий, в законодательстве установлены особые правила использования сельскохозяйственных угодий, а на землепользователей налагаются дополнительные обязанности. При этом следует отметить определенную самостоятельность существования почвы, которая выступает по отношению к земельному участку как принадлежность к главной вещи и в соответствии с нормами экологического права подлежит особой охране.

Литература

1. Аскназий С.И. Гражданское и административное право в социалистической системе воспроизводства // Ученые записки. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1951. – №129. – С. 66-99.
2. Вавилин Е.В. Гражданское правоотношение в механизме реализации субъективного права и исполнения субъективной обязанности // Журнал российского права. – 2007. – №7 (127). – С.49-59.

3. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. –Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. –83с.
4. Гражданское право: учебник. Т.1. – 2-е изд. / под ред. Е.А.Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2004. –720с.
5. Гражданское право: учебник. Ч.1. – 2-е изд., перераб. п доп. /под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. – М.: Проспект, 2003. – 505с.
6. Земельное право России: учебник / под ред. В.В.Петрова. –М.: Зерцало, 1998. – 300с.
7. Кечекьян С.Ф. Нормы права и правоотношения //Советское государство и право. – 1955. – №2. – С.23-32.
8. Крамкова Т.В. Гражданско-правовое понятие земельного участка // Закон. – М., 2007. – № 1. – С.49-54.
9. Краснов Н.И. Правовой режим земель специального назначения. –М.: Госюриздат,1961. – 213 с.
10. Краснов О.И. Земельное право: учебник. –М.: Юристъ,2007. – 624 с.
11. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав в законодательстве Российской Федерации. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 214с.
12. Матузов Н.И. Правовые отношения. Теория государства и права: курс лекций. – М.: Статут, 1997. – 776 с.
13. Митягин К.С. Понятие «земельный участок» // Законодательство. – 2007. – №5. –С.32-36.
14. Разгельдеев Н.Т. Правовое регулирование сделок с земельными долями. – Саратов: СГАП, 2005. – 192с.
15. Толстой Ю.К. Еще раз о правоотношении // Правоведение. – 1969. – №1. –С.32-36.

RIGHTS TO LANDS USAGE AS THE OBJECTS OF CIVIL LAW

Sidykova Nodira Nasrullayevna

Applicant of department of private law
 Institute of philosophy, political science and law
 Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan of A.M.Bahovatdinov
 Rudaki ave.33, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
 Ph.: (+992 37) 221 77 96
debtresolution@mail.ru

In the article the issues related to the right to use the land for agricultural purposes. The questions regarding the civil legal rights to agricultural land are studied as well.

Key words: land; civil matter; subjective rights and duties.

УДК 341.211

КОНЦЕПЦИЯ «ШАНХАЙСКОГО ДУХА» И СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Камолов Тимур Мэлсович

Аспирант кафедры теории государства и права
 Российская академия народного хозяйства и государственной службы
 при Президенте Российской Федерации
 Пр. Вернадского 84, 119571, Москва, Российская Федерация
 Тел.: (+7) 96 729888 89
t_one777@mail.ru

В статье рассматривается влияние на государственный суверенитет достаточно новой концепции для межгосударственных отношений в Евразии – «Шанхайский дух». Данная концепция была сформирована на этапе создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и применяется в ее деятельности.

Ключевые слова: государство; суверенитет; шанхайский дух; Шанхайская организация сотрудничества.

Развитие интеграционных процессов в Евразийском регионе сопряжено с обязанностью совместного исполнения государствами своих внешних и внутренних функций и полномочий на уровне межгосударственных объединений с целью успешной реализации региональных задач, что является очевидной тенденцией развития регионального сотрудничества.

Данные процессы привели к необходимости актуализации внимания исследователей на суверенитете государств в рамках межгосударственного объединения. В настоящее время такая необходимость особенно ощущается в Евразийском регионе, что связано с возрастающей зависимостью региона от международного сообщества. Нарастание надгосударственного влияния на суверенитет со стороны международных организаций вызывает споры среди политиков и ученых как по поводу природы самого явления, так и правомерности такого влияния с политико-правовой точки зрения.

Цели, устанавливаемые при создании содружества, могут затрагивать важные интересы всех государств. Для достижения этих целей объединенным государствам приходится иногда даже ограничивать свой суверенитет [7, с.46]. На данный момент на территории Евразийского региона существуют различные межгосударственные объединения, среди которых можно выделить одну из самых амбициозных и авторитетных – Шанхайскую организацию сотрудничества (далее – ШОС), позиционирующую себя как региональный механизм многопрофильного содействия между государствами-членами организации.

В течение столетий государственный суверенитет, выражающийся в верховенстве государства на своей территории и его независимости во внешних сношениях, единый, неотчуждаемый и неделимый, составляет основополагающее начало государственного

развития народов [9, с.41]. Суверенитет стран-участниц ШОС на рубеже XX века пережил различные события: войны, культурные и политические революции, социально-экономические потрясения и т.д.

В совокупности всё это кардинально повлияло на историю и развитие данных держав. Отличительной особенностью стран-членов ШОС является совмещение национальной политико-правовой культуры и традиционных культурно-духовных знаний с общепризнанными демократическими ценностями и принципами в построении государства. Интеграция и развитие государств-членов ШОС тесно связаны с их обязанностью бережно хранить своё наследие, преумножать и развивать его в тесном и дружном взаимодействии с другими государствами, особенно своего региона, для процветания, стабильности и уважения суверенитета друг друга.

Однако вполне независимое государство фактически не может в своих отношениях не учитывать интересов другого государства, не может не поступаться в той или иной мере своими интересами в целях добрососедских отношений или для избежания худших последствий [4, с.67].

Достижения государств в такой деятельности реализуются в рамках многопрофильного сотрудничества ШОС, которое нуждается не только в материальных ресурсах, но и духовно-интеллектуальных. Формирование и проведение межгосударственных и многосторонних проектов и мероприятий в рамках ШОС требует обязательно учитывать равенство и интересы всех сторон, так как каждое государство ШОС, имеющее национальные особенности и действующее в рамках данного межгосударственного объединения, проявляет свой внешний суверенитет.

В 2001 г. на учредительном саммите ШОС председатель КНР Цзян Цзэминь впервые выдвинул принцип следования «шанхайскому духу» в том виде, в каком он вошёл в её основополагающие документы [6]. Нарастающие результаты во взаимоотношениях как между членами ШОС, так и с самой организацией достигнуты были не только благодаря материальным ресурсам и воле лидеров стран-участниц ШОС, но также и благодаря закреплению в уставных документах ШОС духовного и сакрального элемента, такого как «шанхайский дух», которому обязались следовать государства-члены ШОС в своей деятельности.

Ядро понятия «шанхайский дух» составляют двадцать иероглифов, которые означают «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию». Концепция «шанхайского духа» стала закономерным следствием воплощения в жизнь передовых наработок трёх поколений лидеров КНР в области международных отношений, в частности, «международного стратегического мышления» Дэн Сяопина и «теории трёх представительств» Цзян Цзэминя [6].

Резюмируя вышесказанное, скажем, что каждый элемент понятия «шанхайский дух» важен для суверенитета государств в условиях членства в ШОС, что отображается в реальной деятельности ШОС. Ведь важнейшим признаком государства является суверенитет, который означает независимость и самостоятельность в определении и проведении политики как внутри, так и вне государства [3, с.44].

Взаимная выгода позволяет учитывать и обеспечивать интересы суверенитета всех государств-членов ШОС. Сотрудничество в рамках ШОС путём мирного диалога и консультаций устраняют препятствия, разрешают спорные ситуации, которые могут быть явной угрозой для суверенитета.

Принцип уважения многообразия культур указывает на насыщенность культур и цивилизаций в современном мире, на уважительное отношение к историческому и куль-

турному наследию каждого государства, входящего в ШОС, что позволяет применить богатейший опыт и традиции для взаимоуважения суверенитета друг друга и защиты от каких-либо посягательств.

Стремление к совместному развитию предполагает стремление к взаимному процветанию в процессе социально-экономического сотрудничества и борьбы с основными угрозами суверенитету в виде терроризма, экстремизма и сепаратизма, а также даёт возможность решить проблему расслоения общества и сближения народов Евразийского региона, что приведёт к позитивной динамике общего развития человечества.

Ещё 15 июня 2006 г. в принятой Декларации пятилетия Шанхайской организации сотрудничества главами России, Китая, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана было закреплено следующее: «Государства-члены будут передавать дружбу из поколения в поколение и не станут рассматривать друг друга в качестве соперников, будут всесторонне развивать отношения добрососедства, взаимоуважения и взаимовыгодного сотрудничества. Они будут оказывать друг другу поддержку в отстаивании принципиальных позиций в деле защиты суверенитета, безопасности и территориальной целостности и предпринимаемым в этих целях усилиям. Они не будут участвовать в союзах и объединениях, которые могут нанести ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности государств-членов. Они не позволят использовать их территорию для нанесения ущерба суверенитету, безопасности и территориальной целостности других государств-членов и будут пресекать на своих территориях деятельность организаций или группировок, наносящую ущерб интересам государств-членов. С учётом этого государства-члены приступят к согласованию вопроса о заключении в рамках ШОС многостороннего правового документа о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» [2].

Всё это задало в перспективном будущем соответствующее направление деятельности ШОС в отношении суверенитета своих членов. В данной Декларации было также отмечено: «Залог успешного развития ШОС состоит в том, что она неизменно руководствуется и неуклонно следует "шанхайскому духу", для которого характерны взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию. "Шанхайский дух", являясь основным целостным понятием и важнейшим принципом деятельности Шанхайской организации сотрудничества, обогатил теорию и практику современных международных отношений, претворяя в жизнь всеобщее стремление мирового сообщества к демократизации международных отношений» [2].

ШОС с момента своего создания становится механизмом многопрофильного сотрудничества государств-членов в целях обеспечения безопасности и стабильности в Евразийском регионе, благополучия и совместного процветания. Для достижения этих целей социально-экономические программы ШОС превращаются в одно из приоритетных её направлений. Реализация совместных межгосударственных проектов в рамках ШОС, например, реализация трансконтинентального проекта «Экономический пояс Великого шёлкового пути» и иные социально-экономические проекты, основывающиеся на инвестициях в разработку полезных ископаемых, использовании природных ресурсов, энергетики, транспорта, сельского хозяйства, телекоммуникаций, защиты окружающей среды, выпуске и продаже различных товаров, также влияет на экономическую сторону государственного суверенитета, характеризующуюся независимым от каких-либо внешних вмешательств выбором странами-участницами ШОС направлений и методов развития и укрепления своей экономики и экономического потенциала в тесном взаимодействии с другими государствами на условиях следования идеям «шанхайского духа».

Ослабление суверенных прав государства с неизбежностью ведёт к ослаблению ответственности, которую международное сообщество может требовать от публичной власти, осуществляющей эти права [8, с.38]. Государства проявляют свой внешний суверенитет, передавая определенные суверенные права Шанхайской организации. Однако государство оставляет за собой право контроля и при необходимости вмешиваться в случае злоупотребления. Чтобы не допустить возможного ослабления суверенитета в соотношении с членством в ШОС, связанное с недобросовестным использованием прав, переданных данному межгосударственному объединению, которое может неблагоприятно повлиять на статус и авторитет организации. На наш взгляд, именно на таких условиях выстраивается эффективная модель правового оформления межгосударственных отношений, при этом морально-этической основой для ШОС и её членов будет «шанхайский дух».

В Декларации о создании ШОС от 15 июня 2001 г. закреплено: «Сформировавшийся в процессе развития "шанхайской пятёрки" "шанхайский дух", характеризующийся взаимным доверием, взаимной выгодой, равенством, взаимными консультациями, уважением к многообразию культур, стремлением к совместному развитию, является бесценным достоянием, накопленным странами региона за годы сотрудничества. Оно будет приумножаться, становясь в новом столетии нормой в отношениях между государствами-участниками Шанхайской организации сотрудничества» [1].

В Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. подчёркивается: «Сотрудничество в рамках ШОС отличается духом взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, взаимных консультаций, уважения к многообразию культур и стремления к совместному развитию. Эти принципы, получившие название «шанхайский дух», будут и впредь лежать в основе отношений между государствами-членами ШОС» [8].

Лидеры государств, участвующих в ШОС, неоднократно подчеркивали важность «шанхайского духа». «Шанхайский дух» проник сегодня во все поры международного сотрудничества и стал его неотъемлемой частью. Это на пользу всем, кто искренне заинтересован в обеспечении мира и стабильности, устойчивого экономического развития региона, - заявил Президент Таджикистана Эмомали Рахмон, отвечая на вопрос корреспондента Международного радио Китая, в ходе своего интервью для китайских СМИ [5].

Таким образом, не случайно «шанхайский дух» зафиксирован в официальных документах ШОС, так как приверженность концепции «шанхайского духа» ведёт к позитивной динамике в отношениях между странами ШОС, в значительной степени увеличивается сотрудничество в отраслях безопасности, экономики, культуры, образования, энергетики, транспорта, сельского хозяйства, телекоммуникаций, защиты окружающей среды и др.

Хотелось бы отметить, что идеи «шанхайского духа» являются эталоном евразийской интеграции в межгосударственных отношениях и в вопросах суверенитета государств, а также представляются как новый символ единения и процветания Евразийского региона. Следование концепции «шанхайского духа» стало гарантом равного и добросовестного участия в ШОС, так как отвечает всем элементам обеспечения неприкосновенности суверенитета государств. Независимость государств-членов ШОС во внешних делах и верховенство государственной власти внутри страны, их политическая самостоятельность и отсутствие подчиненности будут во многом зависеть от уровня развития и безопасности пространства ШОС.

Литература

1. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406>
2. Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс] // Центральный интернет-портал Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). – Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=93>
3. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. – 8-е изд., испр. и доп. – М.;СПб.: изд-во Юрид. ин-та, 2012. – 608 с.
4. Левин И.Д. Суверенитет. – М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. – 375с.
5. Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://khovar.tj/rus/2014/09/prezident-rt-shanhajskij-duh-pronik-vo-vse-rogu-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva/>
6. Пань Гуан. Что такое "шанхайский дух". [Электронный ресурс] // Центральный интернет-портал Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). – Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=3296>
7. Прокопович Г.А. Теория государства и права: курс лекций, – М.: ЮИ МИИТ, 2013. – 275с.
8. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sco-russia.ru/documents/>
9. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России – М.: РЦОИТ, 2015. – 80 с.

**CONCEPT "SHANGHAI SPIRIT" AND SOVEREIGNTY OF MEMBER-STATES
OF SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION**

Kamolov Timur Melsovich

Postgraduate of chair of theory of state and law
Russian academy of national economy and public administration
at the President of the Russian Federation
Vernadsky ave. 84, 119571, Moscow, Russian Federation
Ph.: (+7) 729 888 96 89
t_one777@mail.ru

In the article the impact on the sovereignty by a fairly new concept for interstate relations in Eurasia such as "Shanghai spirit" is considered. This concept has been formed during the formation of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and is used in its activity.

Key words: State; sovereignty; Shanghai spirit; Shanghai Cooperation Organization.

УДК 343.9

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ

Назаршоев Фируз Юсуфович

Адъюнкт кафедры технико-криминалистического обеспечения
экспертных исследований
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Окружной пр-д, 4, 107061, Москва, Россия
nazarshoevfu@mail.ru

В статье рассматривается вопрос применения технико-криминалистического обеспечения при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, анализируются проблемы и недостатки использования ТКО.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение; незаконный оборот огнестрельного оружия и боеприпасов; технико-криминалистические средства; модернизация.

Содержание деятельности по технико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений определяется созданием условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению научно-технических средств. Учитывая важность обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов, процесс работы с ними рассматривается как организационно-функциональная система получения, накопления, обработки и анализа доказательственной информации.

В раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, немаловажное значение имеет технико-криминалистическое обеспечение, под которым следует понимать, с одной стороны, целенаправленную деятельность компетентных лиц, а с другой, - качественно новую, разрабатываемую на современном этапе частную теорию [2, с.45].

Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, обладает следующими чертами:

- его субъектами могут быть только участники уголовно-процессуальной деятельности;
- оно осуществляется в точном соответствии с законом;
- процесс и результаты применения научно-технических средств должны быть отражены в соответствующих процессуальных документах.

Закон не содержит четких указаний относительно обеспечения производства дознания научно-техническими средствами, поэтому эти задачи решаются на основе двойного подхода: дознаватель представляет специалисту информацию о находящихся в его арсенале научно-технических средствах, а специалист информирует дознавателя о том, какая

аппаратура имеется в его арсенале, и далее они вместе решают вопрос о достаточной пригодности этой аппаратуры для проведения следственного действия [4, с.68].

Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, представляется нам достаточно сложной системой различных мероприятий. Для решения имеющихся задач необходим комплексный подход. Часто сложности раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений заключаются в необходимости четкой и грамотной организации работы привлекаемых к расследованию сил и средств для осуществления слаженного взаимодействия. Знания специалиста в вопросах научно-технического сопровождения следственных действий, как правило, значительно более глубоки и объемны, нежели у дознавателя [6, с.167].

Для технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, принципиальное значение имеет не столько правильный выбор научно-технических средств и методов их применения, сколько требование соблюдения следующих правил:

- применение научно-технических средств не должно унижать человеческого достоинства;
- применение научно-технических средств и методов не должно причинять вред здоровью лица, к которому они применяются;
- методика применения научно-технических средств должна быть апробированной, научной, обеспечивающей получение достоверной информации.

Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, на наш взгляд, выдвигает следующие задачи [5, с.274-275]:

1) информационно-удостоверительная – задача восполнения информационного пробела, возникшего в процессе расследования уголовного дела; обеспечения или облегчения процесса получения, закрепления, проверки и оценки доказательств, в т.ч. и при возможном привлечении иных сведущих лиц; повышения достоверности полученной доказательственной информации;

2) компенсационная – задача дополнения профессиональных знаний следователя специальными знаниями, выходящими за пределы его компетенции, но необходимыми для ведения следствия; создания условий для использования в процессе расследования уголовного дела специальных знаний, применение которых непосредственно следователем невозможно либо прямо запрещено законом. Дознаватель использует познавательный потенциал экспертов, специалистов и иных лиц, обладающих специальными познаниями в той мере, в какой он сам не обладает этими знаниями, понимая, что они должны быть использованы для установления истины по уголовному делу;

3) ориентирующая – задача направления производства дознания по делу о контрабанде огнестрельного оружия и боеприпасов к нему в нужном, оптимальном для установления истины направлении; поэтапного вычленения из нескольких самостоятельных направлений одного, отражающего задачи расследования в определенный период;

4) координирующая – задача создания режима взаимодействия различных органов, должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, и лиц, обладающих специальными познаниями;

5) прогностическая – задача предвидения развития события (следственного действия или дознания в целом) в определенном направлении.

Позитивным моментом с прогностической точки зрения УПК РФ является отсутствие запрета экспертам-криминалистам, участвующим в следственных действиях в качестве специалистов, проводить экспертизы по тем же уголовным делам. В настоящее время нет необходимости скрывать (не отражать в протоколе) участие в следственном действии эксперта-криминалиста, оценивающего тот или иной объект в аспекте возможности быть предметом контрабанды огнестрельного оружия и боеприпасов к нему.

Ученые-криминалисты отмечают комплексный и подчеркивают деятельностный, активный характер технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в целом и преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов в частности. Они включают в это понятие правовые, организационные, научно-технические и методические аспекты [1; 2; 6].

Сами технико-криминалистические средства, применяемые для обнаружения, осмотра, экспресс-исследования и экспертного исследования (в т.ч. и предметов незаконного оборота огнестрельного оружия и боеприпасов), могут быть классифицированы на средства интроскопии объектов таможенного контроля; оптико-механические средства обследования труднодоступных мест; газовые анализаторы; средства локации тайников и скрытых вложений; металл о детекторы; биологические и технические детекторы [3, с.25].

Анализируя приведенный перечень, несложно установить, что все перечисленные средства подразделяются в зависимости от особенностей предметов незаконного оборота огнестрельного оружия и боеприпасов на технико-криминалистические средства, необходимые для обнаружения, изъятия (реже – фиксации), исследования огнестрельного оружия и боеприпасов к нему (например, для обнаружения оружия и боеприпасов к нему применяется поисково-досмотровое и рентгеновское оборудование); средства, объекты перемещения предметов контрабанды огнестрельного оружия и боеприпасов к нему: средства обследования физических лиц, транспортных средств (в т.ч. кабин, салонов), багажа, тары, помещений.

Реалии современного периода свидетельствуют о том, что приблизительно по 90 % уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, используются те или иные технико-криминалистические средства, что означает насущную необходимость в совершенствовании последних.

Важнейшим направлением правоохранительной деятельности является модернизация процесса технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, в т.ч. незаконного оборота огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, которая может быть осуществлена посредством разработки и внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов современных научно-технических средств, методов и рекомендаций по их применению, а также специальной кадрово-методической и технической подготовки лиц, обеспечивающих научно-техническое сопровождение процесса раскрытия и расследования преступлений, и самих сотрудников правоохранительных органов.

Уровень внедрения технико-криминалистических средств, методов и рекомендаций при расследовании преступлений, в т.ч. незаконного оборота огнестрельного оружия и боеприпасов, зависит от уровня развития научных исследований в этой области, тем более что в условиях научно-технического прогресса технико-криминалистические средства и методы не имеют пределов своего совершенствования.

Совершенствование технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, должно осуществляться за счет внедрения самых последних научных разра-

боток в практическую деятельность правоохранительных органов при сопровождении этого процесса высококвалифицированными специалистами.

Литература

1. Алымов Д.В. К вопросу о технико-криминалистическом обеспечении расследования преступлений // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сб. науч.статей IV-ой Междунар.науч.-практ. конф. (Юго-Западный государственный университет). – Курск, 2015. –С.233-237.
2. Зырянов В.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия: монография / В.В.Зырянов, Е.Б.Мельников, С.И.Земцова; М-во внутренних дел Российской Федерации, Сибирский юридический ин-т. – Красноярск, 2009. –116 с.
3. Кочнева И.П. Техничко-криминалистическое обеспечение производства следственных действий: монография. –М., 2012. – 176 с.
4. Лузгин И.И. Техничко-криминалистическое обеспечение как системный элемент развития криминалистических технологий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: матер. X междунар.науч.-практ.конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул, юрид. ин-та МВД России, 2012. –Ч.1. – С. 67-69.
5. Панкратова И.В. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования контрабанды огнестрельного оружия и боеприпасов к нему // Вестник Тамбовского университета. Сер.: «Гуманитарные науки». – 2013. – Вып.5 (121). – С. 274-277.
6. Шурухнов Н.Г. Техничко-криминалистическое обеспечение расследований преступлений // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. –№ 1 (41). –С.166-171.

CRIMINALISTIC AND TECHNICAL MAINTENANCE OF DISCLOSING AND INVESTIGATIONS OF CRIMES RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING IN FIREARMS AND AMMUNITION

Nazarshoyev Firuz Yusufovich

Postgraduate student of chair of technical and criminality
maintenance of expert studies
Moscow university of MI of Russia of V.Ya.Kikot
Okruzhnoy pass. 4, 107061, Moscow, Russia
nazarshoevfu@mail.ru

The article deals with the application of technical and forensic ensure the investigation and solving of crimes related to illicit trafficking in firearms and munitions, and the problems and disadvantages of the use of TCR are analyzed.

Key words: technical and forensic support; illicit trafficking of firearms and ammunition; technical and forensic tools; modernization.

УДК 343.9+343.575.2

ПОСЛЕДУЮЩИЙ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАПЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Кодиров Далер Сайфуллоевич

Аспирант кафедры криминалистики
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Ул. Садовая-Кудринская 9, 125993, Москва, Россия
Тел.: +7 499 244 88 71
msal@msal.ru

В статье рассматриваются основные направления следственных действий на последующем и заключительном этапах расследованиях преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и цели и задачи, обусловленные сложившимися следственными ситуациями.

Ключевые слова: последующий этап расследования; заключительный этап расследования; предъявление обвинения; допрос обвиняемого; собрание и анализ фактических данных.

Последующий и заключительный этапы можно представить как систему последовательно решаемых следователем локальных задач, обеспечивающих всестороннее расследование факта незаконного оборота наркотических средств.

Усилия следователя на завершающих этапах расследования сосредоточены на дальнейшем собирании, проверке и оценке судебных доказательств, решении вопроса о предъявлении обвинения, установлении роли отправителя и получателя наркотических средств, а также доказывании их вины либо невинности в содеянном.

По мнению Р.С.Белкина, основная направленность последующего этапа расследования – развернутое, последовательное и методическое доказывание [1, с.395]. Н.И.Хлюпин считает, что содержание последующего этапа нельзя сводить лишь к проверке и анализу уже имеющихся данных о событии преступления и роли в нем его участников [9, с.39-40]. Тем самым он расширяет круг задач последующего этапа, полагая, что деятельность следователя должна продолжаться в направлении поиска новых прямых и косвенных доказательств, обосновывающих формулу обвинения.

А.Н.Васильев последующий этап расследования рассматривает как определенную систему, в которой выделил два периода расследования – до предъявления обвинения и после его предъявления. При этом он указывает, что основное содержание расследования до предъявления обвинения заключается, главным образом, в проверке круга версий, выдвинутых по вопросам предмета доказывания на основе материалов, собранных в ходе первоначальных следственных действий. После предъявления обвинения расследование обычно сосредотачивается на проверке показаний обвиняемого [2, с.51].

По нашему мнению, деление последующего этапа на периоды представляется в некоторой степени некорректным, ибо после предъявления обвинения начинается оценка собранных доказательств в аспекте их достаточности для принятия процессуального

решения (составления обвинительного заключения, вынесения постановления о прекращении уголовного дела и т.п.), что относится к заключительному этапу расследования.

В свою очередь, И.А.Возгрин отмечал, что последующий этап расследования начинается после выполнения первоначальных безотлагательных следственных действий с переходом к более планомерной работе по уголовному делу. С данным мнением тоже нельзя согласиться по той причине, что неотложные следственные действия проводятся при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, а планомерность присуща каждому этапу расследования преступлений [3, с.280].

Наиболее верную по этому поводу точку зрения высказал Р.С.Белкин, отмечая, что последующий этап расследования не всегда начинается с предъявления обвинения [1, с.394-396]. Бывает, что привлечение в качестве обвиняемого происходит и в его середине и даже фактически в конце. Подвижность границ между этапами расследования коррелируется динамикой и индивидуальным характером этого процесса, который каждый раз протекает со своими специфическими особенностями.

Иными словами, моменты окончания одного этапа и начала другого – это вопрос, конкретного акта расследования. Исходя из этого, полагаем, что своеобразие последующего этапа расследования заключается в определении его начала, когда следователь располагает совокупностью собранных и частично проверенных судебных доказательств, изобличающих конкретных лиц в причастности к совершенному преступлению. В связи с этим следует согласиться с мнением А.В.Славина, что никакое знание не существует как изолированная целостность, оно всегда фрагмент более общей системы знаний [8, с.98].

В связи с этим последующий этап расследования преступлений мы считаем основным периодом работы по уголовному делу. Характер дальнейших следственных действий на данном этапе зависит от той ситуации, которая складывается после проведения первоначальных следственных действий. Наиболее часто этот этап сводится к продолжению собирания, проверки и анализа собранных доказательств путем последующих следственных действий, предъявления обвинения, допроса обвиняемого, дальнейшего собирания и анализа фактических данных.

Нужно отметить, что в теории криминалистики предложено четкое разграничение этапов (первоначальный, последующий и заключительный), тогда как в практической деятельности следователя такое деление довольно условно. Это связано с тем, что следственные ситуации на последующем этапе расследования имеют некоторое сходство со следственными ситуациями первоначального этапа расследования. Вместе с тем они отличаются по уровню и количеству имеющейся информации о расследуемом преступлении и виновных лицах, что определяет дальнейшие следственные действия и ОРМ.

Однако первоначальный и последующий этапы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, различаются между собой не только задачами, стоящими перед следователем (дознавателем). Границей здесь нередко становится момент, когда следователь, выполнив следственные действия и собрав значительный доказательственный материал, приступает к его анализу [5, с.246]. По мнению А.М.Кустова, последующий этап как структурный элемент частной криминалистической методики, во временном отношении связывают с моментом предъявления обвинения и первым допросом обвиняемого, скрупулезной проверкой оснований обвинения, выяснением всех соучастников и всех эпизодов преступной деятельности, изучением всех связей между элементами состава преступления [6, с.137]. Если на первоначальном этапе расследования не удалось собрать достаточное количество информации, позволяющей установить лицо, совершившее преступление, а обработка выдвинутых версий не

дала положительного результата, нужно продолжить поиск виновного и проанализировать аналогичные уголовные дела.

На основании изложенного последующий этап расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, будет определяться от момента предъявления обвинения до принятия решения о направлении уголовного дела в суд или о его прекращении, то есть фактическим завершением предварительного расследования по уголовному делу.

По мнению заместителя начальника Следственно управления Следственного департамента ФСКН России П.П.Ищенко, следственные органы нуждаются в ответах на следующие вопросы:

1. Необходимо ли в ходе расследования возбуждение уголовных дел в отношении каждого соучастника и по каждому эпизоду преступной деятельности? Нормы УПК прямого указания поступать именно таким образом не содержат, а существующая в стране надзорно-следственная практика по этому вопросу весьма различна. Практический смысл возбуждений и соединений в одном производстве многочисленных уголовных дел, с точки зрения целей расследования, неочевиден. Однако, если обвиняемые исчисляются десятками, а выявленные эпизоды сотнями, эта работа вырастает в дополнительные недели и тома уголовных дел.

2. Установленный порядок рассмотрения судами ходатайств о продлении сроков содержания под стражей обвиняемых неоправданно громоздкий. Каждый раз при продлении сроков следователь должен представлять в суд копии материалов уголовного дела, необходимые для рассмотрения этого вопроса. При повторных продлениях сроков следователь снова представляет копии в основном тех же самых документов. Если это уголовное дело о преступном наркосообществе (преступной организации), а обвиняемых 10-15, то к каждому продлению сроков следователь должен представлять в суд 10-15 томов таких материалов. На это уходит не только масса сил и средств, но и не менее недели тех самых сроков, за продлением которых обращается следователь [4, с.82].

К основным следственным действиям, проводимым на последующем этапе расследования преступлений, относятся допросы свидетелей и обвиняемых, очные ставки, обыски, выемки, осмотр и изучение документации медицинских учреждений, отражающей движение наркотических средств, назначение и проведение соответствующих судебных экспертиз. Получить ответ на вопрос о результативности избранных следственных действий на первоначальном этапе расследования незаконного оборота наркотических средств возможно лишь на последующем и заключительном этапах.

Это следственное действие начинается с предложения лицу указать место, где его показания будут проверяться, разъяснения, что после свободного рассказа и демонстрации действий ему могут быть заданы вопросы. В обязательном порядке должна проводиться проверка показаний на месте в случаях, когда подозреваемый утверждает, что нашел наркотическое средство. Это необходимо не только для правильной оценки полученных показаний, но и для розыска новых, еще не обнаруженных партий наркотических средств, так как не исключено, что данное место использовалось и используется преступниками для их замаскированной без контактов передачи.

Нужно проверять показания на месте и в тех случаях, когда обвиняемый намерен указать ранее неизвестные следователю тайники либо предметы – вещественные доказательства. Как правило, производство проверки показаний на месте сопровождается фото-видеосъемкой, материалы которых приобщаются к протоколу, подписываемому всеми участниками произведенной проверки.

Другим из важных и значимых следственных действий последующего этапа расследования незаконного оборота наркотических средств является очная ставка, которая может проводиться: 1) между отправителем и получателем наркотических средств; 2) между отправителем либо получателем наркотических средств и свидетелем; 3) между отправителем либо получателем наркотических средств и иными лицами, являющимися соучастниками преступления. По нашему мнению, подкрепленному анализом следственной и судебной практики, очную ставку наиболее целесообразно проводить на последующих этапах расследования незаконного оборота наркотических средств, когда в распоряжении следователя появится больше информации.

Результативным следственным действием является обыск по месту жительства или временного пребывания задержанных и их преступных связей, в иных помещениях, транспортных средствах, на различных прилегающих территориях. При расследовании уголовных дел возбужденных по фактом, незаконного оборота наркотических средств, большую роль играет своевременное проведение обысков у лиц, причастных к незаконному наркотрафику.

Назначение экспертиз в криминалистике традиционно ассоциировалось с последующим этапом расследования. Однако в последнее время данная точка зрения обоснованно критикуется [7, с.192]. Кроме того, все настойчивее звучат пожелания о разрешении производить хотя бы отдельные виды экспертиз до возбуждения уголовного дела, тем более, что УПК некоторых стран СНГ (например, УПК Республики Беларусь) допускает это [7, с.192]. Однако до сих пор таджикский законодатель не среагировал на эти пожелания, и пока что назначение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела невозможно. Потому в любом случае назначение и производство судебных экспертиз по данной категории уголовных дел необходимо осуществлять на первоначальном этапе их расследования.

Основное направление расследования на последующем этапе, в зависимости от следственной ситуации, сложившейся к моменту окончания первоначального этапа, диктуется либо задачей установления личности преступника, группы лиц и способа совершения наркопреступления, либо доказыванием их участия в совершении исследуемых эпизодов, конкретизацией степени виновности всех причастных к преступлению лиц, а также выявлением обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятием мер по их устранению.

Проведенное нами научное исследование показало, что не всегда данные о личности субъекта, совершившего преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, становятся известными на первоначальном этапе расследования. Это свидетельствует о том, что на данном этапе относительно редко достигается цель – полное раскрытие наркопреступления и задержание всех участвовавших в его совершении.

Практика показывает, что большинство преступлений, совершаемых по ст. 200 и 201 УК РТ на территории Республики Таджикистан, совершаются ее гражданами в соучастии с гражданами Исламской Республики Афганистан. Поэтому в большинстве случаев граждане Афганистана, которые совершают преступление в соучастии с гражданами Республики Таджикистан, в очень короткое время покидают территорию Таджикистана или занимаются оборотом наркотиков на границе ИРА.

Проблема состоит в том, что граждане ИРА в процессе незаконного оборота наркотиков не пользуются своим настоящим именем, то есть не раскрывают свою личность. При задержании оперативно-розыскными органами граждане РТ в большинстве случаев дают такое показание: «Я купил наркотические средства у гражданина ИРА по имени, например, «Абдулла», «Вали» и т.д.». Таким образом, источник приобретения наркоти-

ческих средств остаётся неизвестным, и правоохранительные органы возбуждают уголовные дела в отношении неизвестных лиц. Но, как известно, задержание таких лиц практически невозможно.

В связи с этим в данной следственной ситуации рекомендуется следующий алгоритм действий:

- дополнительное изучение личности наркопреступника;
- предъявление лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о привлечении его в качестве обвиняемого;
- допрос обвиняемого с последующим его ознакомлением с постановлениями о назначении судебных экспертиз и заключениями экспертов;
- анализ информации в показаниях лица, ранее допрошенного в качестве подозреваемого, и показаний, данных после предъявления обвинения, их сопоставление с фактическими данными, имеющимися в материалах уголовного дела;
- проверка информации, полученной от обвиняемого;
- очные ставки между обвиняемыми, членами организованной преступной группы, свидетелями и обвиняемым, если в их показаниях имеются существенные противоречия;
- назначение соответствующих судебных экспертиз (трасологической, почерковедческой, технико-криминалистической экспертизы документов и др.), в том числе дополнительных, комиссионных и комплексных.

Мы полагаем, что наиболее исчерпывающе раскрыл содержание заключительного этапа Р.С. Белкин, включив в него:

- а) процессуальные действия по завершению производства расследования;
- б) дополнительные следственные действия, проводимые по ходатайству обвиняемого или его защитника, указанию надзирающего прокурора или начальника следственного подразделения, а также по определению суда;
- в) повторные следственные действия, проводимые по тем же основаниям, а также в связи с возобновлением производства по приостановленному или прекращенному делу, возвращением дела со стадии судебного разбирательства или после отмены приговора;
- г) организационные и организационно-технические мероприятия, необходимые для завершения расследования [1, с.397-398].

Приведенный выше перечень действий на заключительном этапе расследования, по нашему мнению, не является исчерпывающим и может быть дополнен еще одним элементом, который состоит в оценке всей совокупности собранных доказательств и прогнозировании итогов проведенного расследования.

Подводя итог рассмотрению последующего и заключительного этапов расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, можно заключить, что главная цель последующего этапа – установление всех обстоятельств преступления, входящих в предмет доказывания, изобличение преступника, доказательство его виновности в совершении преступления и привлечение к уголовной ответственности, а заключительного – исчерпывающее использование всего предмета доказывания, выражающееся в построении цепочки установленных судебных доказательств, содержащихся в материалах уголовного дела.

У последующего и заключительного этапов расследования незаконного оборота наркотических средств есть свои цели, обусловленные сложившимися следственными ситуациями. Как было изложено выше, на этой стадии расследования возможны три случая: обвиняемый сотрудничает со следствием, обвиняемый частично сотрудничает со следствием, обвиняемый занимает «оборонительную» позицию или же последний и во-

все не установлен. В зависимости от конкретного случая у следствия будут разные цели и задачи. Но всех их объединяет одна общая цель: выяснение всех обстоятельств по делу, выступающих в качестве предмета доказывания по расследуемому факту, изобличение лиц, обвиняемых в совершении незаконного оборота наркотических средств.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М., 2007. – 631 с.
2. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений / перепеч. с изд. 1978 г. – М.: ЛексЭст, 2002. – 72 с.
3. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 475 с.
4. Ищенко П.П. О необходимости новых разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении отдельных норм уголовно-процессуального законодательства // Новое законодательство и вопросы правоприменительной практики в борьбе с наркопреступностью: матер. Всеросс. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию ФСКН (Моск. обл., г.Красногорск, 26.11.2012г.). – Красногорск, 2012. – С.78-85.
5. Криминалистика: учебник / под ред. проф. А.Г.Филиппова. – М.: Юриспруденция, 2000. – 441 с.
6. Кустов А.М. Расследование хищений социалистического имущества в гражданской авиации, обслуживающей объекты народного хозяйства: дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кустов Александр Михайлович. – М., 1988. – 226 с.
7. Методика расследования незаконных операций с наркотиками: науч.-практ. пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / под ред. проф. Н.И.Николайчика. – Минск, 2003. – 228 с.
8. Хлопин Н.И. Планирование расследования преступлений // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. – Калининград, 1975. – Вып.4. – С.119-122.
9. Славин А.В. Проблемы возникновения нового знания. – М., 1976. – 296с.

SUBSEQUENT AND FINAL STAGES OF INVESTIGATION OF ILLICIT TRAFFICKING DRUGS

Kodirov Daler Sayfulloyevich

Postgraduate student of chair of criminology
Moscow state law university (MSLA) of O.E.Kutafin
Sadovaya-Kudrinskaya 9, 125993, Moscow, Russia
Ph.: +7 499 244 88 71
msal@msal.ru

In the article the basic directions of investigative actions in a subsequent and final stage of the investigation of crimes are considered, related to drug trafficking, and the goals and objectives resulting from the established investigative situations.

Key words: subsequent stage of the investigation; the final stages of the investigation; indictment; interrogation of the accused; collection and analysis of evidence.

УДК 343.9.02:341.917

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА БАНДИТИЗМ В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ
И АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЬЯХ**

Сальников Артем Владимирович

Аспирант кафедры уголовного права
Московский государственный юридический университет
имени О.Е.Кутафина (МГЮА)
Донской 2-ой проезд, д. 7, ком. 217, 115419, Москва, Россия
Телефон: +7 (966) 301 53 16
artkem42@gmail.com

В статье анализируются особенности институтов неоконченного преступления и соучастия, а также нормы, устанавливающие ответственность за создание вооруженных преступных объединений и участие в них по современному зарубежному уголовному законодательству. Проводится анализ санкций статей, предусматривающих ответственность за принадлежность к преступным объединениям.

Ключевые слова: бандитизм; банда; организованная преступная группа; соучастие; стадии преступления; уголовное законодательство зарубежных стран.

Один из классиков отечественного уголовного права более века назад писал: «Научное исследование не может ограничиться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным)» [19, с.2]. При нарастающей тенденции глобализации и объединении усилий, в том числе в борьбе с организованной преступностью, всё большую актуальность приобретает изучение опыта борьбы с бандитизмом в зарубежных странах.

Уголовное право любой современной страны, сталкиваясь со случаями соучастия в преступлении, старается адекватно отвечать на данный вызов. Современное уголовное право заперто в цепь аналогий: аналогичны проблемы, стоящие перед учеными-правоведами, аналогичны и решения. Поэтому при исследовании зарубежных правовых порядков следует воздерживаться от падения в ортодоксию имплементации уголовно-правовых норм и институтов зарубежных правовых порядков.

Следует оговориться, что нормы о бандитизме целесообразно анализировать в их неразрывной связи с институтами стадий совершения преступления (неоконченного преступления) и соучастия в преступлении [3, с.82].

Во французском уголовном праве приготовительные действия, как правило, не наказываются. В то же время предусматривается ответственность за «организацию злоумышленников», которая зависит от категории подготавливаемого преступного деяния. Часть статей УК Франции устанавливает ответственность за участие в организованной преступной деятельности. Так, в Кодексе раскрываются дефиниции банды, предумысла,

взлома, оружия, объединения преступников, установлена ответственность за участие в таком объединении. Бандой считается любая сформировавшаяся группа или любой створ с целью подготовки одного или нескольких преступных деяний.

Согласно абз. 2 § 25 Уголовного кодекса (Уложения) ФРГ, при совместном совершении преступного деяния несколькими лицами каждый из них подлежит уголовному наказанию в качестве исполнителя (соисполнителя). Каждому из соисполнителей вменяется поведение другого. Это означает, что соисполнитель несёт ответственность не только за свой собственный вклад в совместное совершение преступления, но и за вклады остальных соисполнителей. К субъективным признакам соисполнительства относится совместное принятие решения о совершении деяния, к объективным — совершение деяния сообща. Посредством принятия совместного решения о совершении деяния соисполнители договариваются о разделении ролей и взаимозависимости. С объективной стороны правоприменительная практика считает достаточным наличия каузального, основанного на воле исполнителя поведения. Исключение составляют при этом совершенно второстепенные вклады. В отличие от этого представители уголовно-правовой науки требуют от каждого соисполнителя такого вклада, посредством которого он «держит в руках» происходящее наравне с другими. Большинство авторов придерживаются того мнения, что подобное господство возможно не только при принятии участия в самом осуществлении деяния, но и посредством весомого вклада на стадии его подготовки, если вследствие этого осуществление деяния можно расценивать также в качестве результата деятельности задействованного в подготовке и планировании лица. Так, при помощи этой конструкции уголовному наказанию в качестве соисполнителя может быть подвергнут главарь банды, лично не присутствующий на месте совершения деяния.

В Уголовном уложении ФРГ нет определения приготовления к преступному деянию, а наказуемо оно лишь в случае, если это специально предусмотрено нормой Особенной части УК. В уголовном законодательстве ФРГ нет ответственности за создание банды. В Алфавитно-предметном указателе научно-практического комментария его автор П.В.Головненков указывает § 127 как норму об организации банды [1, с.278]. Однако данная норма более схожа со ст. 208 УК РФ. Такой же позиции придерживаются Т.М.-С.Магомедов [6, с.278] и А.Э.Жалинский [2, с.529]. Некоторые схожие с бандитизмом черты имеет конструкция § 129а, т.к. данная уголовно-правовая норма относится не только к собственно террористическим организациям, но и к организациям обычной, ориентированной на промысел преступности [2, с.533]. Но полностью состава преступления, тождественного нашему, уголовное законодательство ФРГ не содержит. Совершение разбойного нападения в составе вооруженной банды является квалифицирующим признаком тяжкого разбоя (§ 250). Следует отметить, что немецкая доктрина считает, что организованная преступная группа должна состоять минимум из трёх лиц.

Уголовный кодекс Австрии так же имеет общую норму, устанавливающую ответственность за организацию банды (§ 278). В этом же параграфе можно установить существенные признаки банды. Так, бандой признается объединение двух и более лиц с намерением постоянно совершать тяжкие убийства (§ 75) или иные тяжкие насильственные преступные деяния против жизни и здоровья людей, похищения с целью шантажа (§ 102), передачу иностранному государству (§ 103), работоторговлю (§ 104), разбойные нападения (§ 142), вымогательство (§ 144), отмывание денег (§ 165), опасные преступные деяния, предусмотренные §§ 169, 171, 173, 185 или 186, торговлю людьми, преступные деяния против безопасности денежного обращения ценных бумаг и знаков оплаты (§§ 232-239), а также деяния (не только малозначительные), предусмотренные ст.

28 (абз. 2-5) или 31 (абз. 2) Закона о наркотических средствах или § 104 (абз. 2-5) Закона об иностранцах.

В понимании австрийского УК, в отличие от УК РФ, для банды не обязательно иметь оружие, а специальная цель создания несколько шире, чем в УК РФ, и содержит больше признаков, сходных с общим понятием организованной преступной группы в УК РФ. Уголовный кодекс Австрии также не считает наказуемым приготовление к преступлению.

В Особенной части Уголовного кодекса Швейцарии предусматривается ответственность за некоторые приготовительные действия. Так, согласно § 260 bis, уголовно наказуемыми признаются целенаправленно совершаемые определенные технические или организационные действия, которые по своему виду и объёму свидетельствуют о том, что лицо собирается совершить одно из преступных действий. Также существует § 260 ter, запрещающий участие в деятельности организации, которая сохраняет в тайне свое построение и личный состав и которая преследует цели совершения насильственных преступлений или обогащения преступными средствами. Предусмотрена ответственность и для лиц, которые поддерживают такую организацию.

Приготовление к преступлению не криминализировано и в Общей части УК Италии, однако в Особенной части данного уголовного закона содержатся санкции и за приготовительную деятельность, и даже за обнаружение умысла. Особенно много таких конструкций в разделе о государственных преступлениях [10, с.493].

Интересной представляется ст. 116 УК Италии. «В том случае, когда совершено иное уголовное правонарушение, отличное от намерений одного из соучастников, он также отвечает за это преступление, если последствие является результатом его действия или бездействия. Если совершенное уголовное правонарушение является более тяжким, чем то, которого лицо желало, то наказание снижается в отношении лица». Такой подход свидетельствует о возможности объективного вменения соучастникам деяния, совершенного исполнителем, не входившего в содержание общего умысла соучастников и о совершении которого не было соглашения. Правовой основой для уголовного преследования членов мафиозных сообществ явилась ст. 416-2. В этой статье раскрывается понятие «сообщество типа мафии» и регламентируется ответственность его участников. Исследователи нередко трактуют данную норму как направленную против бандитизма, однако понятие «мафиозного сообщества» в Италии несколько шире, а за создание банды устанавливается ответственность в ст. 306 УК Италии. Правда, запутаться немудрено, т.к. мафиозная организация тоже может владеть оружием.

Бандит порывает все отношения с обществом, он – человек «вне закона», живущий изолированно от общества и преследуемый официальными властями, но представитель мафии – «уважаемый человек» и «превосходно вписывается в социальный контекст» [10, с.976].

Если участие в сообществе типа мафии законодатель Италии относит к преступлениям против государственного управления, то создание вооруженной банды и участие в ней являются государственным преступлением, так как согласно ст. 306 УК банды создаются для совершения тяжких преступлений против государства, а состав бандитизма располагается в главе «О государственных преступлениях». При сравнении норм об ответственности за бандитизм и за преступную организацию мафиозного типа законодатель предусматривает более строгие санкции за участие в банде, чем за участие в мафии.

Уголовное законодательство Англии детально не регламентирует ответственность за приготовление к совершению преступления. Как правило, приготовление ненаказуемо.

Однако то, что составляет приготовление по российскому праву, в Англии может оказаться покушением на преступление.

Доктрина общего права выработала три правовых понятия, которые связаны со стадиями неоконченного преступления: покушении (attempt), сговор (conspiracy) и подстрекательство (incitement, encouraging, assisting). В доктрине они нередко именуется неоконченными преступлениями (inchoateoffences).

В соответствии с Законом об уголовном праве 1977 г. лицо признается виновным в сговоре с целью совершения преступления, если оно вступило в соглашение с каким-нибудь другим лицом или лицами о совершении действия, которое обязательно является каким-либо преступлением.

Соглашение предполагает согласие во взглядах и не нуждается в физической встрече, т.к. достаточно лишь, чтобы лица достигли взаимопонимания относительно того, что должно быть совершено [11, с.424].

Институт соучастия в Англии разработан уголовно-правовой доктриной и прецедентным правом. Однако вопросы соучастия, решаемые, например, общим правом, касаются преимущественно проблем доказывания фактического распределения преступных ролей и дифференциации ответственности. Так, суд, рассматривая дело Эботта (1955 г.), сформулировал правило, в соответствии с которым, если несколько лиц обвиняются в совершении преступления и есть доказательства, что они соучастники, но не доказано кто именно являлся фактическим исполнителем, суду следует осудить всех подозреваемых как пособников.

Сговор имеет отличие от остальных неоконченных преступлений. В неоконченных преступлениях цель деяния должна быть преступной, но при сговоре (conspiracy) по общему праву это необязательно [10, с.66].

Отдельных же норм, запрещающих создавать банды и иные формы группового соучастия, в уголовном законодательстве Англии нет. Однако совершение берглэри с использованием огнестрельного оружия, другого орудия преступления, а также причинение тяжких телесных повреждений потерпевшему наказывается вплоть до пожизненного тюремного заключения. Следует отметить, что берглэри отличается от ограбления, содержащегося в Законе о краже (1968 г.), и предполагает, что лицо должно без законных оснований войти в здание с намерением совершить кражу какого-либо предмета, нанести телесные повреждения находящемуся там лицу либо изнасиловать находящуюся там женщину.

Предварительная преступная деятельность в американском праве не имеет ничего общего со стадиями развития преступления. Законодательные акты и доктрина США даже не содержат такого понятия, как стадия преступления. Но есть всё те же выработанные ещё английским общим правом самостоятельные посягательства – сговор, подстрекательство и покушение. Следует учесть, что если общее право рассматривает данные неоконченные преступления (inchoate offenses) как мисдиминоры, то по законодательству большинства штатов данные деяния признаются фелонией, что уже свидетельствует об усилении уголовной репрессии в США.

Данным трём институтам уделено большое внимание. В примерном УК США и в УК ряда штатов (Нью-Йорк, Техас и др.) имеются специальные разделы и/или главы, посвященные неоконченным преступлениям.

В американском уголовном праве часто ссылаются на старые английские прецеденты. Классическим стало данное английским судьей лордом Денманом определение сговора. «Сговор – это соглашение о том, чтобы совершить противоправное действие, либо о том, чтобы совершить правомерное действие противоправными средствами» [15,

с.277-278] . Данная дефиниция чрезвычайно нечётко позволяет уловить её смысл. И.Д.Козочкин также отмечает широту и неопределённость данной дефиниции [4, с.270].

При сговоре необязательно, чтобы действия обвиняемого были близки к достижению цели. В большинстве штатов и на федеральном уровне сговор – преступление статутное. Инкорпорирование положений общего права в статутное право в уголовном праве штатов привело к сохранению ряда утративших свою актуальность институтов, в том числе института сговора.

Первый пункт статьи 5.03 Примерного УК США определяет сговор следующим образом: «Лицо виновно в сговоре с другим лицом или другими лицами о совершении преступления, если с целью содействовать его совершению или облегчить его совершение оно:

А) договаривается с таким другим лицом или другими лицами о том, что эти лица, или одно из них, или более чем одно из них осуществят поведение, составляющее такое преступление, или покушение на его совершение, или подстрекательство к его совершению;

Б) договаривается помочь такому другому лицу или таким другим лицам в планировании или совершении такого преступления, или покушении на его совершение, или подстрекательстве к его совершению» [8, с.12].

Пункт пятый данной статьи устанавливает требование «явного действия», которое должно быть совершено лицом, которое находится в сговоре. Однако данное правило не распространяется на два из трех наиболее опасных видов felonies и не предусматривается вообще в УК почти половины штатов [10, с.215]. При этом во втором пункте данной статьи указывается, что участники сговора необязательно должны знать друг друга.

Регулирование института сговора, предложенное Примерным УК США, воспринято законодательством многих штатов страны (Нью-Джерси, Пенсильвания, Кентукки, Джорджия).

Ст. 15.02. УК Штата Техас устанавливает ответственность за уголовно наказуемый сговор. Определение данного деяния родственно английскому понятию сговора и содержит те же самые изъяны. Также 11 раздел кодекса данного штата содержит уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за участие в организованной преступной деятельности. Отличается понятие организованной преступной группы данное в ст. 71.01. данного раздела от отечественного законодательства. Так, группа лиц означает трех или более лиц, совместно участвующих в осуществлении преступной деятельности, несмотря на то, что: участники могут не знать лично друг друга; состав группы лиц может изменяться время от времени. В данной же статье даётся определение преступной уличной банды. Она должна состоять из трёх и более лиц, имеющих общий идентифицирующий знак или символ или определенное руководство, периодически или постоянно совместно участвующих в совершении преступных действий.

Уголовно наказуемым признается также вовлечение в преступную уличную банду (ст. 71.022 УК штата Техас). Лицо совершает посягательство, если оно осознанно, самостоятельно или иным образом вовлекает, предоставляет возможность, поощряет, принимает или предлагает другому лицу стать членом преступной уличной банды, условием вступления, принятия, членства или продолжения членства в которой требует осуществление какого-либо поведения составляющего посягательства.

Системный анализ норм уголовного законодательства России, предусматривающих ответственность за создание банды, как верно замечает Ж.В. Островских, позволяет утверждать, что соответствующая норма была автоматически перенесена из УК РСФСР 1960 г. в УК РФ, но ст. 209 УК РФ устанавливает ответственность не за бандитизм, а за

создание банды, руководство бандой, участие в банде, которые можно охарактеризовать единым термином «организация банды» [7, с.7]. Но логично ли существование такого состава в Особенной части современного отечественного УК? Создание банды является не чем иным, как приготовительными действиями к преступлению или ряду преступлений. Часть 1 статьи 30 УК РФ, раскрывая понятие приготовления, указывает, что приготовлением признается также приискание соучастников преступления и сговор на совершение преступлений. Создание банды как форма бандитизма довольно редко встречается в судебной практике «в чистом виде», так как данная деятельность по сути своей является приготовительными к нападению действиями, установить (а тем более — доказать) которые весьма затруднительно.

Похожую регламентацию ответственности за создание организованных вооруженных преступных объединений имеют США. Но следует отметить, что многие специалисты отмечают репрессивность уголовного законодательства США, которая не способствует борьбе с преступностью [5, с.150; 4, с.167].

В континентальной правовой семье ответственность за создание организованных вооруженных преступных объединений предусмотрена из-за общей ненаказуемости приготовительных действий. Получается, что отечественное уголовное право содержит одновременно ответственность за приготовительные действия, в число которых входит приискание соучастников преступления (ч.1 ст. 30 УК РФ), а также большое количество усеченных составов преступления, предусматривающих ответственность за создание преступных организаций. Подобная «параллельность» усеченных составов и ответственности за приготовительные действия нарушает принцип *non bis in idem*, который характерен для всех цивилизованных законодательств. На наш взгляд, следует отказаться от составов преступления, предусматривающих ответственность за создание всяческих преступных организаций и объединений, т.к. это ведёт к необоснованной уголовно-правовой репрессии и создает проблему дифференциации уголовной ответственности, а эффективность длительных сроков заключения для общей и специальной превенции ещё никем убедительно не доказана. Отказ от данных составов преступлений не приведёт к уходу от ответственности преступников, т.к. по-прежнему наказуемы приготовительные действия различных форм соучастия, которые представляют собой подготовку к совершению конкретных деяний преступными объединениями.

Литература

1. Головинков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 312 с.
2. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: ТК Велби: Изд-во «Проспект», 2006. – 560 с.
3. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. – М.: Проспект, 2015. – 400 с.
4. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007 – 478 с.
5. Кристи Нильс. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / пер. с англ. А.Петрова, В.Пророковой; предисл. Я.Гилинского. – 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. – 224 с.
6. Магомедов Т.М.-С. Вопросы уголовной ответственности и наказания за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем в зарубежном законодательстве // Российский следователь. – 2010. – №12. – С.36-39.

7. Островских Ж.В. Уголовная политика в сфере регламентации ответственности за создание организованных вооруженных преступных объединений (банд) в условиях глобализации // Военно-юридический журнал. – 2013. – №3. – С. 4-7.
8. Примерный уголовный кодекс (США). – М., 1969. – 303с.
9. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. – Изд. 7-е. – СПб., 1908. – 385с.
10. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник для магистров / под ред. Н.Е.Крыловой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2013. – 1053 с.
11. Ashworth A., Horder J. Principles of Criminal Law // Oxford University Press. – 2013. – 510 p.
12. Code penal est entré en vigueur le 1er mars 1994 (version consolidée au 16 mars 2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=B5554B96A0186D5F49DE7BB6F9C93649.tpdila09v_2?cidTexte=LEGITEXT00006070719&dateTexte=20160410
13. Codice penale testo coordinato ed aggiornato del Regio Decreto 19 ottobre 1930, n. 1398 (aggiornato al 01.04.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uwm.edu.pl/kpkm/uploads/files/codice-penale.pdf>
14. Codice penale svizzero del 21 dicembre 1937 (Stato 1° gennaio 2015) [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://www.admin.ch/opc/it/classified-compilation/19370083/201501010000/311.0.pdf>
15. Smith J.C. and Hogan Brian. Criminal law. – L., 1996. – 806 p.
16. Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 (BGBl. I S. 3322), das zuletzt durch Artikel 5 des Gesetzes vom 10. Dezember 2015 (BGBl. I S. 2218) geändert worden ist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html>
17. Strafgesetzbuch Bundesgesetz vom 23. Jänner 1974 über die mit gerichtlicher Strafe bedrohten Handlungen (Letzte Änderung: BGBl. INr. 154/2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.jusline.at/Strafgesetzbuch_\(StGB\).html](https://www.jusline.at/Strafgesetzbuch_(StGB).html)
18. Texas Penal code adopted by the Legislative Assembly of Texas 64th legislative session of the Legislative Assembly of Texas with effect from January 1, 1974. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.statutes.legis.state.tx.us/Docs/SDocs/PENALCODE.pdf>
19. The Serious Crime Act 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/27/pdfs/ukpga_20070027_en.pdf

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF LEGISLATIVE REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR BANDITRY IN CONTINENTAL AND ANGLO-SAXON LEGAL FAMILIES

Sal'nikov Artyom Vladimirovich

Postgraduate of chair of criminal law

O.E.Kutafin Moscow state law university (Moscow State Law Academy)

Donskoy 2nd pass. 7, app. 217, 115419, Moscow, Russia

Ph.: +7 (966) 301 53 16

artkem42@gmail.com

In the article the characteristics of the institutions unfinished crimes and complicity are analyzed, as well as the norms establishing the liability for the formation of armed criminal banding and participation in them on modern foreign criminal law. The sanction analysis of articles providing liability for joining to criminal formations is made. It is proposed that the formulation of banditry in the Criminal Code

should be excluded, that will solve the problem of differentiation of criminal liability, and punishment for preparatory actions will not allow criminals to evade liability.

Key words: banditry; band; organized criminal group; complicity; stages of the crime; criminal law of foreign countries.

Сдано в набор 26.09.2016 г. Подписано в печать 30.09.2016 г.
Формат 60x90_{1/8}. Бумага офсетная №1. Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Объем 30,8 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №176

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30